

Убежище. Дневник в письмах

Автор:

Анна Франк

Убежище. Дневник в письмах

Анна Франк

Анна Франк родилась в 1929 году. Она умерла в концлагере, когда ей было 15 лет. Ее дневник, который она вела в Амстердаме, прячась с семьей от нацистов, стал известен всему миру. Анна Франк вела дневник с 12 июня 1942 года до 1 августа 1944-го. Сначала она писала свои письма только для себя самой – до весны 1944-го, когда она услышала по радио «Оранье» (радиостанция нидерландского правительства в эмиграции, вещавшая из Лондона) выступление Болкестейна, министра образования в нидерландском правительстве в эмиграции. Министр сказал, что после войны все свидетельства о страданиях нидерландского народа во время немецкой оккупации должны быть собраны и опубликованы. Для примера, среди других свидетельств, он назвал дневники. Под впечатлением этой речи Анна решила после войны издать книгу, основой которой должен был послужить ее дневник. Она начала переписывать и перерабатывать свой дневник, вносила исправления, вычеркивала отрывки, которые казались ей не очень интересными, и по памяти добавляла другие. Одновременно она продолжала вести и первоначальный дневник, который в научном издании 1986 года называется версией «а», в отличие от версии «б» – переработанного, второго дневника. Последняя запись Анны датирована 1 августа 1944 г. 4 августа восьмерых прятавшихся людей арестовала Зеленая полиция. В этом издании публикуется полный текст дневника, одобренный Фондом Анны Франк в Базеле.

Анна Франк

Убежище. Дневник в письмах

© 1947 by Otto H.Frank, renewed 1974

© 1982, 1991, 2001 by The Anne Frank-Fonds, Basel, Switzerland

© «Текст», издание на русском языке, 2015

* * *

История этой книги

Анна Франк вела дневник с 12 июня 1942 года до 1 августа 1944-го. Сначала она писала свои письма только для себя самой – до весны 1944-го, когда она услышала по радио «Оранье»[1 - Радиостанция нидерландского правительства в эмиграции, вещавшая из Лондона. (Здесь и далее примечания переводчиков.)] выступление Болкестейна, министра образования в нидерландском правительстве в эмиграции. Министр сказал, что после войны все свидетельства о страданиях нидерландского народа во время немецкой оккупации должны быть собраны и опубликованы. Для примера, среди других свидетельств, он назвал дневники. Под впечатлением этой речи Анна решила после войны издать книгу, основой которой должен был послужить ее дневник.

Она начала переписывать и перерабатывать свой дневник, вносила исправления, вычеркивала отрывки, которые казались ей не очень интересными, и по памяти добавляла другие. Одновременно она продолжала вести и первоначальный дневник, который в научном издании 1986 года называется версией «а», в отличие от версии «б» – переработанного, второго дневника. Последняя запись Анны датирована 1 августа 1944 г. 4 августа восьмерых прятавшихся людей арестовала Зеленая полиция.

В тот же день Мип Хис и Беп Фоскёйл спрятали записи Анны. Мип Хис хранила их в ящике своего письменного стола, и, когда окончательно выяснилось, что Анны больше нет в живых, она передала дневник, не прочитав его, Отто Х. Франку, отцу Анны.

Отто Франк после долгих размышлений решил выполнить волю покойной дочери и издать ее записи в виде книги. Для этого из обоих дневников Анны – первоначального (версия «а») и переработанного ею самой (версия «б») – он составил сокращенную версию «с». Дневник предполагалось выпустить в серии, причем объем текста был задан издательством.

Книга вышла из печати в 1947 году. Тогда еще не было принято непринужденно касаться сексуальных тем, особенно в книгах, адресованных молодежи. Другая важная причина, по которой в книгу не вошли целые фрагменты и некоторые формулировки, заключалась в том, что Отто Франк не хотел вредить памяти жены и товарищей по заточению в Убежище. Анна Франк вела дневник с тринадцати до пятнадцати лет и выражала в этих записках антипатии и возмущение столь же откровенно, как и симпатии.

Отто Франк скончался в 1980 году. Оригинал дневника своей дочери он официально завещал Государственному институту военных архивов в Амстердаме. Поскольку начиная с пятидесятих годов постоянно возникали сомнения в подлинности дневника, институт подверг все записи тщательному исследованию. Только после того, как их подлинность была установлена без всяких сомнений, дневники вместе с результатами исследований были опубликованы. В ходе исследования проверялись, в частности, родственные отношения, факты, связанные с арестом и депортацией, чернила и бумага, использованные для письма, и почерк Анны Франк. В этом относительно объемном труде собраны также сведения о всех публикациях дневника.

Фонд Анны Франк в Базеле, который в качестве всеобщего наследника Отто Франка унаследовал также авторские права его дочери, решил на основе всех имеющихся текстов предпринять новое издание. Это нисколько не умаляет значение редакторской работы, выполненной Отто Франком, – работы, которая послужила широкому распространению книги и ее политическому звучанию. Новое издание вышло под редакцией писательницы и переводчицы Мирьям Пресслер. При этом издание Отто Франка было использовано без сокращений и лишь дополнено отрывками из версий «а» и «б». Текст, представленный Мирьям Пресслер и одобренный Фондом Анны Франк в Базеле, на четверть превышает по объему ранее опубликованную версию и имеет своей целью дать читателю более глубокое представление о внутреннем мире Анны Франк.

В 1998 году были обнаружены пять ранее неизвестных страниц дневника. С разрешения Фонда Анны Франк в Базеле в настоящем издании

к существующей записи от 8 февраля 1944 г. добавлен длинный отрывок. В то же время краткий вариант записи от 20 июня 1942 г. в это издание не включен, поскольку в состав дневника уже входит более подробная запись, датированная этим числом. Кроме того, в соответствии с последними находками, изменена датировка: запись от 7 ноября 1942 г. теперь отнесена к 30 октября 1943 г.

Когда Анна Франк писала свою вторую версию («б»), она решила, какие псевдонимы даст тому или иному лицу. Себя она хотела сначала назвать Анной Аулис, потом Анной Робин. Отто Франк не стал использовать эти псевдонимы, а сохранил свою настоящую фамилию, но другие персонажи были названы псевдонимами, как того хотела его дочь. Помощники, которые теперь всем известны, заслуживают того, чтобы их подлинные имена и фамилии также сохранились в книге; имена всех остальных соответствуют научному изданию. В тех случаях, когда человек сам пожелал остаться анонимным, Государственный институт обозначал его произвольно выбранными инициалами.

Вот настоящие имена людей, скрывавшихся вместе с семейством Франк.

Семейство Ван Пелс (из Оснабрюка): Августа (род. 29.9.1890 г.), Герман (род. 31.3.1889 г.), Петер (род. 9.11.1929 г.); Анна назвала их Петронеллой, Гансом и Альфредом Ван Даан, в этом издании – Петронелла, Герман и Петер Ван Даан.

Фриц Пфедфер (род. в 1889 г. в Гисене) и самой Анной, и в этой книге назван Альбертом Дюсселом.

Дневник Анны Франк

12 июня 1942 г.

Надеюсь, я смогу тебе все доверить, как не доверяла еще никому, и надеюсь, что ты будешь для меня большой поддержкой.

28 СЕНТЯБРЯ 1942 г. (ДОБАВЛЕНИЕ)

Все это время большой поддержкой мне были и ты, и Китти, которой я теперь регулярно пишу. Вести дневник таким образом кажется мне намного приятнее, и теперь я жду не дожусь того часа, когда смогу писать.

Ах, как я рада, что взяла тебя с собой!

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 14 ИЮНЯ 1942 г.

Начну с того, как я тебя получила, то есть как я тебя увидела на столе среди подарков (потому что покупали тебя при мне, но это не в счет).

В пятницу 12 июня я проснулась уже в шесть часов, и это вполне понятно – ведь был мой день рождения. Но нельзя же было встать в шесть утра, поэтому пришлось сдерживать любопытство до без четверти семь. Дольше я не вытерпела, пошла в столовую, где меня встретила Моортъе, наша кошка, и стала ко мне ласкаться.

В начале восьмого я пошла к папе с мамой, а потом в гостиную разворачивать подарки, и самым первым я увидела тебя, наверняка один из самых лучших подарков. Еще был букет, два пиона. Папа и мама подарили мне голубую блузку, настольную игру, бутылку виноградного сока, который, по-моему, отдает вином (вино ведь делают из винограда), головоломку, баночку крема, два с половиной гульдена и талон на две книги. Потом мне подарили еще одну книгу «Камера Обскура», но такая у Марго уже есть, и я ее сменяла, блюдо домашнего печенья (я, конечно, сама его испекла, потому что я теперь здорово пеку печенье), много сладостей и клубничный торт от мамы. Письмо от бабули пришло день в день, но это, конечно, случайность.

Потом за мной зашла Ханнели, и мы пошли в школу. На перемене я угостила учителей и ребят сливочными печеньями, и потом мы снова должны были заниматься. Я вернулась домой в пять часов, потому что ходила на физкультуру (хотя вообще-то я освобождена из-за того, что у меня вывихиваются руки и ноги) и выбрала для одноклассников игру в честь моего дня рождения – волейбол. Дома уже ждала Санна Ледерман. После физкультуры со мной пошли Ильза Вагнер, Ханнели Хослар и Жаклин ван Маарсен – девочки из нашего класса. Раньше у меня были две самые лучшие подруги, Ханнели и Санна, и кто нас

вместе видел, всегда говорил: «Вон идут Анна, Ханна и Санна». С Жаклин ван Маарсен я познакомилась только в Еврейском лицее, и теперь она моя лучшая подруга. Ильза – лучшая подруга Ханнели, а Санна в другой школе, и у нее там свои подруги.

Наш клуб подарил мне замечательную книгу «Голландские предания и легенды», но по ошибке они подарили мне второй том, и поэтому я две другие книги поменяла на первую часть. Тетя Хелена принесла еще одну головоломку, тетя Стефани хорошенькую брошку, а тетя Лени изумительную книгу «Каникулы Дэзи в горах». Сегодня утром я сидела в ванне и думала о том, что было бы великолепно, будь у меня такая собака, как Рин-Тин-Тин[2 - Кличка собаки в одноименном фильме.]. Я бы тоже назвала ее Рин-Тин-Тин, и была она всегда в школе у консьержа, а в хорошую погоду в помещении для велосипедов.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 15 ИЮНЯ 1942 г.

В воскресенье днем праздновали мое рождение. Рин-Тин-Тин пришелся очень по вкусу моим одноклассникам. Мне подарили две брошки, закладку для книг и две книги. Но сначала я расскажу кое-что о классе и о школе и начну с учеников.

Бетти Блумендаал выглядит немного бедной, я думаю, что так оно и есть, она живет на Ян-Класенстраат где-то в западной части города, и никто из нас не знает, где это. Она очень хорошо учится, но только из-за того, что она такая прилежная, потому что теперь уже видно, что ее способности оставляют желать лучшего. Она довольно тихая девочка.

Жаклин ван Маарсен считается моей лучшей подругой, хотя настоящей подруги у меня еще никогда не было. Сначала я думала, что Жак станет ею, но вышло совсем не так.

Д. К. очень нервная девочка, она всегда что-нибудь забывает и получает одну штрафную работу за другой. Она очень добродушная, особенно с Х. З.

Э. С. такая болтушка, что вытерпеть ее просто невозможно. Если она о чем-нибудь спрашивает, то уж обязательно начнет крутить пальцами твои пуговицы или теревить тебе волосы. Говорят, что Э. меня терпеть не может, но меня это

нисколечко не огорчает, потому что мне она тоже не нравится.

Хенни Метс девочка веселая и милая, но ужасно громко говорит, и когда играет на улице, то ведет себя как маленькая.

Очень жаль, что Хенни дружит с одной девочкой, Беппи, которая на нее очень плохо влияет, потому что эта Беппи ужасно подлая и грязнуля.

Про Й. Р. можно писать сочинения. Й. – хвастунья, сплетница, противная, строит из себя взрослую, коварная, лицемерная. Жалко, что ей удалось прибрать к рукам Жак. Й. плачет по всякому поводу, боится боли и страшная жеманница. Всегда наша юффрау Й. права. Она ужасная богачка, и ее шкаф забит хорошенькими платьицами, но они слишком старомодны. Она воображает себя красавицей, хотя в действительности дело обстоит совсем наоборот. Мы с Й. друг друга просто терпеть не можем.

Ильза Вагнер – веселая и отличная девочка, но чересчур дотошная и может нудить часами. Ильза довольно сильно привязана ко мне. Вообще-то она умница, но лентяйка.

Ханнели Хослар, или Лис, как ее зовут в школе, чудная девочка, обычно такая стеснительная, а дома ужасно грубая. Все, что ей рассказывают, она выбалтывает матери. Но свое мнение она высказывает откровенно, и я очень хорошо отношусь к ней, особенно в последнее время.

Нанни ван Праах-Сихаар – забавная, маленькая, умная девочка. Мне она нравится. Она довольно хорошенькая. Многого о ней не скажешь.

Эфье де Йонг, по-моему, просто неподражаема. Ей только исполнилось двенадцать, но она настоящая дама. Со мной она ведет себя так, будто я младенец. Еще она всегда готова помочь, и поэтому она мне нравится.

Х. З. – самая красивая девочка в нашем классе. У нее милое лицо, но на уроках она довольно тупа. Я думаю, что ее оставят на второй год, но об этом я ей, конечно, не говорю.

(ДОБАВЛЕНИЕ)

Х. З., к моему великому удивлению, не оставили на второй год.

И в завершение рассказа о наших двенадцати девочках – сижу я с Х. З.

О мальчиках говорить можно много, но все равно будет мало.

Морис Костер – один из многих моих поклонников, но довольно занудный парень.

Салли Спрингер – невероятный пошляк, и идет слух, что он с кем-то спарился. И все-таки он мне кажется чудесным парнем, потому что он ужасно смешной.

Эмиль Боневит – поклонник Х. З., хотя ее это не очень волнует. Он довольно скучный.

Роб Коэн тоже был влюблен в меня, но теперь я больше не могу его выносить. Это лицемерный, лживый, плаксивый, странный и скучный мальчишка, ужасно много из себя строит.

Макс ван де Велде из крестьянской семьи в Медемблике, но он, как сказала бы Марго, вполне подходящий.

Херман Коопман тоже ужасно пошлый, как и Йопи де Беер – страшный ухажер и бабник.

Лео Блом – закадычный друг Йопи де Беера и перенял от него пошлые привычки.

Альберт де Мескита перешел из школы Монтессори номер шесть и перескочил через один класс. Ужасно умный.

Лео Слахер тоже перешел к нам из этой школы, но он не такой умный.

Рю Стоппелмон, маленький и странный мальчишка из Алмело, перевелся позже в нашу школу.

К. Н. делает все, чего делать нельзя.

Жак Кокерноот сидит позади нас вместе с Пам, и мы просто умираем со смеху (Х. и я).

Харри Схаап самый приличный мальчик у нас в классе, он вполне приятный.

О Вернере Йозефе можно было бы сказать то же самое, но он большой тихоня и потому кажется скучным.

Сам Саломон этакий хулиган с задворок, противный парень. (Поклонник!)

Апи Рим довольно религиозный, но тоже дрянь.

На этом я заканчиваю. В следующий раз у меня будет так много чего написать тебе, значит, я так много расскажу тебе. Пока, ты такой чудесный!

СУББОТА, 20 ИЮНЯ 1942 г.

Для девочки вроде меня такое непривычное чувство – вести дневник! И не только потому, что я раньше никогда не писала. Мне кажется, что позже ни мне самой, ни кому-нибудь другому не будут интересны признания тринадцатилетней школьницы. Но на самом деле это не так важно, просто мне хочется писать, и больше того – высказать откровенно и абсолютно все, что у меня на душе.

«Бумага терпеливее людей». Эта поговорка вспомнилась мне в один из грустных дней, когда я сидела, уронив голову на руки, и от вялости не могла решить – то ли пойти гулять, то ли остаться дома, и в конце концов так и просидела в раздумьях на одном месте. Действительно, бумага все стерпит, и так как я никому не собираюсь показывать эту тетрадь в картонном переплете, которая носит высокопарное название «дневник», – разве что в моей жизни появится когда-нибудь друг или подруга и станет настоящим другом или подругой, – то кому какое дело.

Вот я и подошла к самому главному, откуда взялась у меня сама идея вести дневник: у меня нет настоящей подруги. Чтобы было совсем понятно, это надо бы объяснить, ведь никто не поймет, что тринадцатилетняя девочка совершенно одинока на всем белом свете. Конечно, это неправда. У меня милые родители и шестнадцатилетняя сестра, в общей сложности у меня наберется не менее тридцати знакомых и так называемых подружек. У меня уйма поклонников, они глаз с меня не сводят, а на уроках, когда ничего другого не остается, стараются поймать мой взгляд в осколке зеркала. У меня есть родственники, милые тетушки и хороший дом. Посмотреть со стороны – чего мне еще не хватает, кроме настоящей подруги. Со всеми моими знакомыми только и можно, что дурачиться, я с ними никогда ни о чем, кроме как о пустяках, поговорить не могу. Откровенность с ними невозможна, вот что главное. Может быть, что-то во мне самой мешает мне быть откровенной с другими, но факт остается фактом, и, к сожалению, тут ничего не поделаешь. Вот потому и дневник.

Но для того чтобы у меня перед глазами была настоящая подруга, о которой я так давно мечтаю, я не буду, как делают все, записывать в дневник разные факты; я хочу, чтобы эта тетрадь сама стала мне подругой, и эту подругу я буду звать Китти.

История моей жизни! (Идиотка, как я могла это забыть.) Никто ничего не поймет, если вдруг ни с того ни с сего начать переписку с Китти, поэтому расскажу вкратце свою биографию, хотя и без удовольствия.

Мой папа, самый изумительный из всех отцов, которых я когда-либо встречала, женился, когда ему уже было 36 лет, на моей маме, которой было тогда 25. Моя сестра Марго родилась в 1926 году во Франкфурте-на-Майне в Германии. 12 июня 1929 года появилась я. До четырех лет я жила во Франкфурте. Мы чистокровные евреи, поэтому мой отец в 1933 году уехал в Голландию. Он стал директором голландского акционерного общества по производству джема – «Опекта». Моя мама, Эдит Франк-Холлендер, в сентябре тоже уехала в Голландию, а Марго и я уехали в Ахен, где жила наша бабушка. В декабре Марго поехала в Голландию, а меня привезли в феврале и поставили на стол, как подарок ко дню рождения Марго. Вскоре я пошла в детский сад при школе Монтессори номер шесть. Там я оставалась до шести лет, потом пошла в первый класс. В шестом классе я попала к директрисе мейфрау Куперус. В конце учебного года мы очень трогательно простились и обе плакали, потому что мне пришлось перейти в Еврейский лицей, где уже училась Марго.

В нашей жизни было довольно много тревог, так как наших родственников, оставшихся в Германии, не миновали законы Гитлера против евреев. После погромов 1938 года два моих дяди, мамыны братья, бежали и благополучно прибыли в Северную Америку, а моя старая бабушка приехала к нам. Ей тогда было семьдесят три года.

После мая сорокового года пришел конец хорошим временам: сначала война, потом капитуляция, вторжение немцев, и для нас, евреев, начались мучения. Законы против евреев последовали один за другим, и нашу свободу резко ограничили. Евреи должны носить желтую звезду; евреи должны сдать велосипеды; евреям нельзя ездить в трамвае; евреям нельзя ездить в автомобилях, даже в частных; евреям можно делать покупки только от трех до пяти; евреям разрешено ходить только к еврейскому парикмахеру; евреям после восьми вечера и до шести часов утра нельзя выходить на улицу; евреям нельзя появляться ни в театрах, ни в кино, ни в каких других местах для развлечений; евреям нельзя ходить ни в бассейн, ни на теннисный корт, ни на хоккейное поле, ни на другие спортплощадки; евреям нельзя заниматься греблей, евреям вообще нельзя заниматься никаким спортом в общественных местах; после восьми вечера евреям нельзя сидеть ни в своем саду, ни в саду своих знакомых; евреям нельзя ходить в гости к христианам; еврейские дети должны ходить в еврейские школы, и прочая, и прочая. Так продолжалось наше житье-бытье, и нам запрещали то одно, то другое. Жак всегда говорит мне: «Боюсь за что-нибудь братья: а вдруг это запрещено?»

Летом 1941-го бабушка тяжело заболела. Ей должны были сделать операцию, и мой день рождения не особенно удался. Летом 1940-го тоже, ведь тогда только что кончилась война в Голландии. Бабушка умерла в январе 1942-го. Никто не знает, как много я думаю о ней и как люблю ее до сих пор. Этот день рождения в 1942-м мы отпраздновали, чтобы восполнить все предыдущие, и свечка бабушки стояла рядом с другими.

С нами четверыми пока что все хорошо, и таким образом я подошла к сегодняшнему дню и числу, которыми начинается торжественное открытие моего дневника, 20 июня 1942 года.

СУББОТА, 20 ИЮНЯ 1942 г.

Милая Китти!

Сразу приступаю к делу; сейчас все тихо и спокойно, мама с папой ушли, а Марго с какими-то ребятами пошла играть в пинг-понг к своей подруге Трес. Я тоже в последнее время ужасно много играю в пинг-понг, так много, что мы с пятью девочками даже основали клуб. Клуб называется «Малая Медведица минус две». Ужасно странное название, но это из-за одной ошибки. Мы хотели дать клубу необычное название и решили, поскольку нас пятеро, назвать его «Созвездием Малой Медведицы». Мы думали, что оно состоит из пяти звезд, но ошиблись, оно, как и Большая Медведица, состоит из семи. Вот поэтому «минус две». У Ильзы Вагнер есть пинг-понг, и большая столовая Вагнеров всегда в нашем распоряжении. Так как мы, пятеро пингпонгистов, ужасно любим мороженое, особенно летом, и от игры нам становится жарко, то каждая игра обычно кончается походом в один из ближайших магазинчиков с мороженым, куда можно ходить евреям, – «Оазис» или «Дельфи». Мы уже совсем не заботимся, есть у нас деньги или нет, потому что в «Оазисе» всегда полно народу и среди всех этих людей непременно найдется какой-нибудь щедрый господин из обширного круга наших знакомых либо тот или другой наш поклонник, которые предлагают нам столько мороженого, сколько и за неделю не съесть.

Я думаю, ты немного удивишься, что я в мои годы уже говорю о поклонниках. К сожалению, или в некоторых случаях, наоборот, вовсе не к сожалению, в нашей школе это, похоже, неизбежное зло. Как только кто-нибудь из мальчиков спрашивает, можно ли ему проводить меня домой на велосипеде, и заводит со мной разговор, то в девяти случаях из десяти я могу быть уверена, что вышеупомянутый юнец имеет дурную привычку сразу влюбляться по уши и не отстанет от меня ни на шаг. Постепенно он остывает, особенно если я не обращаю внимания на его пылкие взгляды и весело кручу педали. Иногда, когда мне это надоедает, я нарочно вихляю рулем, мой портфель падает, и молодой человек из приличия должен соскочить и поднять его, и, пока он поднесет портфель, я успеваю сменить тему разговора. Это еще самые безобидные, а бывают, конечно, и такие, которые посылают воздушные поцелуи или пытаются схватить за руку, но тогда уж точно не на ту напали: я слезаю с велосипеда и отказываюсь больше находиться в его обществе или принимаю обиженный вид и говорю ему в самых сильных выражениях, чтобы он убирался домой.

Ну вот, фундамент нашей дружбы заложен, до завтра.

Твоя Анна

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 21 ИЮНЯ 1942 г.

Милая Китти!

Весь наш класс трясется от страха. Конечно, по поводу приближающегося педсовета. Полкласса держит пари: кого переведут, кто останется на второй год. Х. З. и я хохочем до слез над двумя мальчиками, что сидят на парте за нами, К. Н. и Жаком Кокерноотом, которые проспорили весь капитал, заработанный на каникулах: «Переведут – нет, оставят – нет, переведут...» – и так с утра до вечера, даже взгляды Х., умоляющие замолчать, и мои сердитые выпады не могут успокоить этих двоих. По-моему, оставят на второй год четверть класса, такие это болваны, но учителя – самые капризные люди в мире, может быть, на этот раз, как исключение, их капризность нам на руку.

Я не очень-то боюсь за себя и своих подруг, с нами все обойдется. Я только не уверена в математике. Ну что ж, подождем. Пока мы подбадриваем друг друга. У меня со всеми учителями и учительницами отношения довольно хорошие. У нас их девять – семеро мужчин и две женщины. Менеер Кеесинг, корифей-математик, одно время на меня ужасно злился, потому что я так много болтаю. Одно замечание следовало за другим, а потом он задал мне в наказание работу – сочинение на тему «Болтунья». «Болтунья»... Ну что тут напишешь. Но пока я не стала ломать голову, записала задание в записную книжку, сунула в сумку и попробовала молчать.

Вечером, когда все уроки были сделаны, я заметила запись о сочинении. Грызла авторучку и обдумывала эту тему. Просто написать что попало и как можно шире разбросать строчки может каждый. А вот найти неоспоримые доказательства в пользу болтовни – вот в чем искусство. Я думала, думала, и вдруг меня осенило; я исписала заданные три страницы и осталась довольна. Я доказывала, что болтовня присуща женщинам и что я, конечно, постараюсь немного сдержаться, но, наверно, никогда не отучусь, потому что моя мама говорит не меньше меня, если не больше, а против наследственности бороться почти бесполезно.

Менеер Кеесинг очень смеялся над моими доводами, но, когда на следующем его уроке я опять стала болтать, он задал мне второе сочинение. На этот раз оно

называлось «Неисправимая болтуня». Я и это ему написала, и на двух уроках Кеесингу не на что было пожаловаться. А на третьем моя болтовня опять вывела его из себя. «Анна Франк, в наказание за болтовню сочинение на тему «Кря-кря-кря», – сказала юффрау Утка!»

Класс заливался хохотом. Я тоже волей-неволей смеялась вместе со всеми, хотя мои изыскательские способности в области болтовни были исчерпаны. Надо было найти что-нибудь новое, очень оригинальное. Моя подруга Санна, замечательная поэтесса, предложила свою помощь – написать сочинение с начала до конца в стихах. Я была в восторге. Кеесинг хотел осмеять меня этим дурацким сочинением, но я своим стихотворением высмею его втройне.

Стихи получились потрясающие! Там было про маму-утку, папу-лебедя и про трех утят, которых папа заклевал насмерть за то, что они слишком много крякали. К счастью, Кеесингу шутка пришлась по душе, он прочел стихи с комментарием в нашем классе и еще в других классах. С тех пор я могу болтать сколько влезет и никаких штрафных работ, наоборот, Кеесинг теперь всегда отпускает шутки.

Твоя Анна

СРЕДА, 24 ИЮНЯ 1942 г.

Милая Китти!

Невыносимо жарко, все отдуваются, пыхтят, и в этом пекле мне надо всюду успеть пешком. Только теперь я оценила, какая все же хорошая штука трамвай, особенно с открытыми вагонами, но это теперь запретный плод для нас, евреев, нам только и остается, что бегать на своих двоих. Вчера мне надо было на большой перемене к зубному врачу на Ян-Люкенстраат. Это далеко от нашей школы, на Стадстиммертунен. Поэтому в школе я днем чуть не заснула. К счастью, люди сами предлагали мне что-нибудь попить. Ассистентка у зубного врача на самом деле очень сердечный человек.

Единственное, чем мы еще можем пользоваться, – это паром. Паромщик на Йозеф-Израэльскаде сразу взял нас, как только мы попросили нас переправить. Голландцы, безусловно, не виноваты, что нам, евреям, так скверно.

Если бы только не ходить в школу, на Пасху украли мой велосипед, а мамин велосипед папа отдал на хранение знакомым христианам. Но к счастью, каникулы приближаются быстрыми шагами, еще неделя – и конец мучениям.

Вчера утром случилось кое-что приятное. Я проходила мимо велосипедной стоянки, и тут меня кто-то окликнул. Я обернулась и увидела, что за мной стоит симпатичный парень, с которым я познакомилась накануне вечером у Вилмы. Он ее троюродный брат, а Вилма моя знакомая. Сначала она мне казалась очень милой. Так оно и есть, но она целый день говорит только о мальчиках и ни о чем другом, и это начинает надоедать. Парень подошел, немного стесняясь, и представился: Хелло Силберберх. Я слегка удивилась и не очень поняла, что ему нужно, но скоро все выяснилось. Он хотел составить мне компанию и проводить меня в школу. «Если тебе по дороге, пойдем», – ответила я, и мы пошли вместе. Хелло уже шестнадцать лет, и он очень мило рассказывает всякие истории.

Сегодня утром он опять ждал меня, и, наверно, теперь так и пойдет.

Анна

СРЕДА, 1 ИЮЛЯ 1942 г.

Милая Китти!

До сегодняшнего дня я совершенно не могла найти время, чтобы тебе написать. В четверг провела весь день у знакомых, в пятницу к нам пришли гости, и так – до сегодняшнего дня.

За эту неделю мы с Хелло познакомились ближе, он мне много рассказал о своей жизни. Он приехал из Гельзенкирхена и живет тут, в Голландии, без родителей, у дедушки и бабушки. Его родители живут в Бельгии, а ему поехать туда невозможно. У Хелло была девочка, Урсула. Я ее тоже знаю, она образец кротости и скуки. С тех пор как Хелло со мной познакомился, он понял, что с Урсулой ему скучно до одури. Так что я – своего рода противоснотворное, никогда не знаешь, на что пригодишься!

В субботу у меня ночевала Жак. Днем она ушла к Ханнели, и я скучала смертельно.

Вечером Хелло должен был прийти ко мне, но около шести он позвонил. Я подошла к телефону, и он сказал:

- Говорит Хельмут Силберберх. Будьте добры, можно позвать Анну?

- Да, Хелло, это Анна.

- Привет, Анна. Как поживаешь?

- Спасибо, хорошо.

- Я хотел тебе сказать, что, к сожалению, сегодня не смогу прийти, но все же мне хотелось бы с тобой поговорить. Можно, я через десять минут подойду к твоему дому?

- Хорошо, ну пока!

- Пока, я сейчас буду.

Положив трубку, я скоренько переоделась и немножко поправила волосы. Потом в волнении высунулась из окна. Наконец он пришел. Чудо из чудес – я не помчалась по лестнице стремглав, а спокойно ждала, пока он позвонит. Я спустилась вниз, и он, не дав мне прийти в себя, выпалил:

- Слушай, Анна, моя бабушка считает, что ты еще слишком молода, чтобы с тобой встречаться. Она говорит, мне надо бывать у Лёвенбахов, но ты, наверное, знаешь, что я больше не встречаюсь с Урсулой.

- Почему, разве вы в ссоре?

- Нет, наоборот. Я сказал Урсуле, что мы все равно разные люди и поэтому нам лучше порвать отношения, но пусть она ходит к нам в гости, а я, надеюсь, буду бывать у них. Ведь я думал, что Урсула гуляет с другим мальчиком, и соответственно с ней обращался. Оказывается, это совершенно не так.

И теперь мой дядя говорит, что я должен перед ней извиниться, но я, конечно, не хочу, и поэтому я с ней порвал, но это всего лишь одна из множества причин.

Моя бабушка хочет теперь, чтобы я бывал у Урсулы, а не у тебя, но я не хочу и не буду! У стариков бывают иногда страшно устарелые представления, но мне с ними считаться нечего. Конечно, я завишу от бабушки и дедушки, но в каком-то смысле и они нуждаются во мне. Вечерами по средам я теперь свободен, потому что дед с бабушкой думают, будто я хожу на уроки резьбы по дереву, а на самом деле я бываю в кружке сионистской партии. Мне ходить туда нельзя, потому что мои бабушка и дедушка очень против сионизма. Я тоже не фанатик этого дела, но мне интересно. Хотя в последнее время там какая-то неразбериха, и я думаю, что больше туда ходить не стану. В среду я туда пойду в последний раз. Значит, мы можем с тобой видаться по средам вечером, по субботам днем и вечером, в воскресенье днем и так далее.

– Но если твои бабушка и дед этого не хотят, то тебе не следует делать это за их спиной.

– Силой любить не заставишь.

Когда мы проходили мимо книжной лавки Бланкевоорт, там стоял Петер Схифф с двумя ребятами; в первый раз за долгое время он со мной поздоровался, и я страшно обрадовалась.

В понедельник вечером Хелло пришел к нам, чтобы познакомиться с моими родителями. Я купила торт, конфеты, чай и печенье, всякой всячины, но нам с Хелло было скучно вот так рядышком сидеть на стульях, мы ушли гулять, и только в десять минут девятого он проводил меня домой. Папа страшно сердился, ему вовсе не понравилось, что я вернулась поздно, пришлось пообещать, что в дальнейшем буду приходить домой без десяти восемь. В эту субботу меня пригласили к Хелло.

Вилма мне рассказала, что Хелло однажды вечером был у нее и она его спросила:

– Кто тебе больше нравится – Урсула или Анна?

Тогда он сказал:

- Не твое дело.

Но когда он уходил (они целый вечер больше не разговаривали друг с другом), он сказал:

- Конечно, Анна, ну, пока, - только ты никому не говори.

И - хоп, исчез за дверью.

По всему заметно, что Хелло теперь в меня влюблен, и для разнообразия мне это нравится. Марго сказала бы: «Хелло - очень подходящий парень», по-моему, тоже и даже больше. Мама от него в восторге. «Умный, вежливый и приятный мальчик». Я рада, что Хелло так понравился всему нашему семейству, но он совсем не понравился моим подругам, которых он считает совершенными детьми - и тут он прав. Жак вечно дразнит меня из-за Хелло; я вовсе не влюблена, о нет, но ведь могу же я иметь друзей, кому какое дело.

Мама все еще спрашивает, за кого бы я в будущем хотела выйти замуж, но я думаю, она бы ни за что не отгадала, что за Петера, потому что, когда речь заходит о нем, я не подаю вида. Я люблю Петера так, как еще никогда и никого не любила, и постоянно внушаю сама себе, что Петер гуляет со всеми этими девочками, только чтобы скрыть свои чувства. Возможно, ему теперь тоже кажется, что мы с Хелло влюблены друг в друга. Но это не так. Он просто один из моих дружков, или, как выражается мама, кавалер.

Твоя Анна

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 5 ИЮЛЯ 1942 г.

Дорогая Китти!

Годовой акт в пятницу в Еврейском театре прошел отлично, мой табель совсем не так плох, «неуд» только один, по алгебре - пять, остальные все семерки, две восьмерки и две шестерки[3 - В голландских школах десятибалльная система.]. Дома все довольны, но мои родители насчет отметок совсем не похожи на других родителей, им никогда не важно, плохие или хорошие

у меня отметки, гораздо важнее, чтобы я была здоровая, веселая и не слишком грубилла. Лишь бы эти три вещи были в порядке, остальное само приложится.

Но я наоборот, мне бы не хотелось быть плохой ученицей. В лицей меня приняли условно, потому что я в общем-то должна была остаться в 7-м классе школы Монтессори номер шесть, но, когда всем еврейским детям надо было переходить в еврейские школы, менеер Элте после недолгих переговоров принял меня и Лис Хослар условно. Лис тоже перевели, но с трудной переэкзаменовкой по геометрии.

Бедная Лис, дома ей почти невозможно заниматься как следует; в ее комнатке целый день играет ее маленькая сестренка, избалованный ребенок примерно двух лет. Габи орет, пока не добьется своего, и если Лис тогда с ней не займется, то орет мефрау Хослар. Таким образом Лис невозможно как следует заниматься, и, хотя она все время берет дополнительные уроки, они тоже не очень-то помогают. Ну и порядок у Хосларов дома! Родители мефрау Хослар живут в соседнем подъезде, но едят тоже у них. Потом еще прислуга, младенец, менеер Хослар, всегда рассеянный и с отсутствующим видом, и мефрау, всегда нервозная и раздраженная, и опять в положении. В этом «доме Яна Стеена»[4 - Голландский художник XVII века, изображал на картинах домашний беспорядок.] Лис, и без того неуклюжая, вовсе теряется. Моя сестра Марго тоже получила свой табель, как всегда блестящий. Если бы у нас давали награды «с отличием», она бы точно получила – такая умница!

Папа в последнее время много бывает дома, в конторе ему больше нечего делать. Ужасное чувство – вдруг оказаться лишним. Менеер Клейман принял от него «Опекту», а менеер Кюглер – «Хис и Ко», компанию по суррогатным специям, которая была основана только в 1941 году.

На днях, когда мы с папой гуляли в нашем скверике, он заговорил со мной об укрытии. Сказал, что нам будет очень тяжело жить совершенно отрезанными от мира. Я спросила, почему он об этом заговорил уже сейчас.

– Ты знаешь, Анна, – сказал он на это, – что мы уже больше года переносим к знакомым одежду, мебель и продукты. Мы не хотим оставить немцам наше имущество, а тем более попасться им в руки. Поэтому мы сами уйдем, не дожидаясь, пока нас заберут.

- Но, папа, когда же?

Мне стало страшно, такое серьезное лицо было у папы.

- Не волнуйся об этом, мы сами все устроим, наслаждайся беззаботной жизнью, пока это возможно.

И все. О, хоть бы не сбывались эти мрачные слова как можно дольше!

Только что позвонили, пришел Хелло, я заканчиваю.

Твоя Анна

СРЕДА, 8 ИЮЛЯ 1942 г.

Милая Китти!

Между воскресным утром и сегодняшним днем как будто прошли целые годы. Столько всего случилось, как будто земля вдруг перевернулась, но, Китти, как видишь, я еще жива, а это, по словам папы, самое главное. Да, в самом деле, я живу, только не спрашивай как и где. Наверно, ты меня сегодня совсем не понимаешь, поэтому придется сначала рассказать тебе все, что произошло в воскресенье. В три часа (Хелло только что ушел и собирался еще вернуться) кто-то позвонил в дверь, я не слышала, потому что лениво загорала в шезлонге на веранде и читала. Чуть позже в дверях кухни показалась взволнованная Марго.

- Папе прислали повестку из СС, - шепнула она. - Мама уже пошла к менееру Ван Даану. (Ван Даан - хороший знакомый отца и его компаньон.)

Я страшно перепугалась. Повестка, каждый знает, что это значит. Концлагеря и камеры-одиночки тут же предстали передо мной, неужели мы позволим отправить туда папу?

- Конечно, он не пойдет, - заявила Марго, когда мы сидели с ней в комнате и ждали маму. - Мама пошла к Ван Даанам спросить, можем ли мы завтра уйти

в наше укрытие. Ван Дааны тоже уйдут с нами. Тогда мы будем там всемером.

Тишина. Говорить мы больше не могли, мысль об отце, который, ничего не подозревая, пошел навестить кого-то в Еврейской богадельне, ожидание мамы, жара, напряжение – от всего этого мы совсем потеряли дар речи.

Вдруг снова звонок.

– Это Хелло, – сказала я.

– Не открывай, – удержала меня Марго, но предосторожность оказалась напрасной: мы услышали голоса мамы и менеера Ван Даана, они разговаривали внизу с Хелло, потом вошли в дом и заперли за собой двери. При каждом звонке Марго или я должны были теперь прокрадываться вниз и смотреть, не папа ли это; других мы не впускали. Нас с Марго отослали из комнаты, Ван Даан хотел поговорить с мамой наедине.

Когда мы с Марго сидели в нашей спальне, она мне сказала, что повестка пришла не папе, а ей. Я снова испугалась и заплакала. Марго шестнадцать лет, значит, вот таких юных девушек они хотят высылать без родителей? Но к счастью, она от нас не уйдет, мама сама так сказала, и, наверно, папа тоже подготавливал меня именно к этому, когда говорил со мной об укрытии. Что за укрытие? Где мы спрячемся? В городе, в деревне, в каком-нибудь доме, в хижине – когда, как, где?.. Нельзя было задавать все эти вопросы, но они у меня постоянно вертелись в голове.

Мы с Марго стали укладывать самое необходимое в школьную сумку. Первым делом я взяла эту картонную тетрадь, потом бигуди, носовые платки, учебники, гребенку, старые письма. Я думала о том, как мы будем скрываться, и поэтому совала в сумку всякую ерунду, но мне не жалко: воспоминания дороже платьев.

В пять часов наконец вернулся папа, мы позвонили менееру Клейману и попросили его зайти вечером. Ван Даан пошел за Мип. Мип пришла, уложила башмаки, платья, куртки, белье и чулки в сумку и пообещала вечером опять зайти. Потом у нас в квартире стало тихо, никто из четверых не хотел есть, было по-прежнему жарко, и все было ужасно непривычно.

Нашу большую верхнюю комнату мы сдаем некоему менееру Гольдшмидту, мужчине в разводе, за тридцать, которому, видно, в этот вечер нечего было делать; поэтому он торчал у нас до десяти, и никак нельзя было его выжить.

В одиннадцать пришли Мип и Ян Хис. Мип с 1933 года работает у папы в фирме и стала близкой знакомой, как и ее новоиспеченный супруг Ян. В сумке Мип и в глубоких карманах Яна снова стали исчезать ботинки, чулки, книги и белье; в половине двенадцатого и сами они исчезли.

Я устала до полусмерти, и, хотя я знала, что последнюю ночь сплю в своей кровати, я тут же заснула, и в половине шестого утра меня разбудила мама. К счастью, было не так жарко, как в воскресенье. Весь день лил теплый дождь. Мы все четверо столько на себя надели теплого, будто собирались ночевать в холодильнике. Но нам надо было взять с собой как можно больше одежды. В нашем положении ни один еврей не отважился бы выйти из дома с чемоданом, полным одежды. На мне было две рубашки, трое штанов, платье, а сверху юбка, куртка, летнее пальто, две пары чулок, зимние ботинки, шапка, шарф и еще много всего, я уже дома чуть не задохнулась, но всем было не до этого.

Марго набила портфель учебниками, взяла велосипед со стоянки и поехала вслед за Мип в неизвестную мне даль. Я ведь все еще не знала, где находится таинственное место нашего назначения.

В половине восьмого мы заперли за собой дверь; единственное существо, с которым мне пришлось проститься, была Моортъе, моя маленькая киса, которая должна была найти приют у соседей, просьба об этом была в записке, адресованной менееру Гольдшмидту.

Неубранные постели, остатки завтрака на столе, фунт мяса для кошки на кухне – все это производило впечатление, будто мы бежали, сломя голову. Но нам было безразлично, что скажут люди. Мы хотели уйти, только уйти и благополучно добраться до места, больше ничего. Завтра продолжу.

Твоя Анна

ЧЕТВЕРГ, 9 ИЮЛЯ 1942 г.

Милая Китти!

Так мы шли под проливным дождем: папа, мама и я, у каждого портфель и хозяйственная сумка, до отказа набитые чем попало. Рабочие, которые рано ехали на работу, смотрели на нас сочувственно; по их лицам было видно, как им жаль, что они не могут как-нибудь подвезти нас; желтая звезда бросалась всем в глаза и говорила сама за себя.

Только по дороге я мало-помалу узнала от родителей весь план укрытия. Уже много месяцев они переносили в безопасное место как можно больше нашей обстановки и одежды. Все было подготовлено, и шестнадцатого июля мы должны были скрыться. Но из-за этой повестки пришлось план укрытия осуществить на десять дней раньше, и надо было мириться с тем, что помещение еще не совсем подготовлено.

Само Убежище находится в папиной конторе. Посторонним это понять трудновато, поэтому я объясню подробнее. У папы немного служащих: менеер Кюглер, Клейман и Мип, потом еще Беп Фоскёйл, двадцатитрехлетняя стенографистка. Все они знали о нашем приходе. Менееру Фоскёйлу, отцу Беп, и еще двум работникам склада мы ничего не сказали.

План дома такой: в первом этаже большой склад, он же пакгауз. Он, в свою очередь, разделен на различные помещения, как, например, комната, где размалывают корицу, гвоздику, суррогат перца, и кладовка. Рядом с дверью на склад обычная входная дверь дома, которая через еще одну проходную дверь ведет на лестницу. Если по ней подняться, то окажешься перед дверью с матовым стеклом, на котором когда-то черными буквами было написано: «Контора». Это большая передняя контора, очень большая, очень светлая, вся заполненная вещами. Днем там работают Беп, Мип и менеер Клейман. Через кабинетик с несгораемым шкафом, гардеробом и большим шкафом с припасамиходишь в маленькую, душную, темноватую заднюю комнатку, где раньше сидели менеер Кюглер и менеер Ван Даан, а теперь остался только первый. Из коридора тоже есть вход прямо в контору Кюглера, но только через стеклянную дверь, которую можно открыть изнутри, а снаружи только ключом. Из конторы Кюглера по длинному узкому коридору вдоль закутка, где хранится уголь, поднимаешься на четыре ступеньки иходишь в гордость всего здания – директорский кабинет. Там темная, солидная мебель, линолеум и ковры на полу, радиоприемник, роскошная лампа – словом, шикарно! Рядом большая вместительная кухня с титаном, двумя газовыми плитами, а дальше уборная.

Это все во втором этаже. Из нижнего коридора обычная деревянная лестница ведет наверх. Наверху маленькая площадка. Направо и налево от нее двери. Левая ведет в переднюю часть дома с помещениями пакгауза, с передней мансардой и передним чердаком. На другой стороне здания от передней части дома – еще одна длинная, ужасно крутая, настоящая голландская лестница, на которой ноги можно сломать, ведет ко второму выходу на улицу.

Справа от площадки находится «Задний Дом». Никто бы не подумал, что за этой простой, выкрашенной серой краской дверью скрывается столько комнат. Перед дверью ступенька, и ты там. Сразу против этого входа крутая лесенка. Налево маленький коридорчик и комната, которая должна служить гостиной и спальней семье Франк, а рядом есть еще одна, поменьше: это спальня и классная комната барышень Франк. Направо от лестницы комнатка без окон, с умывальником и отдельной уборной. Из комнатки есть дверь в нашу с Марго спальню. Когда поднимаешься по лестнице и открываешь дверь наверху, то просто удивляешься, что в таком старом доме на канале вдруг обнаруживается такая большая, светлая и просторная комната. В этой комнате стоит плита (благодаря тому, что раньше здесь находилась лаборатория Кюглера) и стол для мойки посуды. Значит, тут будет кухня и одновременно спальня супругов Ван Даан, общая гостиная, столовая и кабинет. Крошечная проходная каморка будет апартаментами Петера Ван Даана. Там есть еще мансарда и чердак, как и в передней части дома. Видишь, вот я и описала тебе весь наш чудесный Задний Дом!

Твоя Анна

ПЯТНИЦА, 10 ИЮЛЯ 1942 г.

Милая Китти!

Очень может быть, я тебе ужасно надоела длинными описаниями нашего жилья. Но должна же ты знать, где я приземлилась! Как я приземлилась, ты узнаешь из всех моих следующих писем.

Сначала продолжение моего рассказа, потому что, как ты знаешь, я еще не все рассказала. Когда мы пришли на Принсенхрахт, 263, Мип тут же увела нас по длинному коридору, по деревянной лестнице, прямо наверх, в Задний Дом. Она заперла за нами двери, и мы остались одни. Марго приехала на велосипеде

намного раньше и уже ждала нас. Наша гостиная, да и все остальные комнаты были так заполнены барахлом – описать невозможно! Все картонные коробки, которые в предыдущие месяцы присылались в контору, стояли на полу и на кроватях. Маленькая комната была до потолка завалена постельным бельем. Надо было сразу взяться за уборку, если мы хотели вечером лечь спать в более или менее постланные постели. Мама и Марго не могли и пальцем пошевелить. Они лежали на голых кроватях, уставшие, истомившиеся и Бог знает какие еще, но мы с папой, главные «уборщики» в семействе, хотели тут же приступить к делу.

Мы целый день распаковывали коробки, раскладывали по полкам, стучали молотком и убирались до тех пор, пока вечером, смертельно усталые, не упали в чистые постели. Весь день мы не ели горячего, но нам это было все равно. Мама и Марго были слишком усталые и издерганные, чтобы есть, а у нас с папой было слишком много работы. Во вторник с утра мы начали с того, чего не закончили в понедельник. Беп и Мип купили продукты по нашим карточкам, папа наладил затемнение, где его было недостаточно, мы оттирали пол на кухне и снова работали с утра до вечера. До среды у меня даже почти времени не было, чтобы подумать об огромном перевороте, который произошел в моей жизни. И только в среду, впервые после нашего прихода в Убежище, я нашла возможность сообщить тебе все и в то же время хорошенько осознать, что со мной произошло и что еще может произойти.

Твоя Анна

СУББОТА, 11 ИЮЛЯ 1942 г.

Милая Китти!

Папа, мама и Марго все еще не могут привыкнуть к звону колокола с Вестерторен, который каждые четверть часа сообщает, сколько сейчас времени. А я – да, мне сразу очень понравилось, особенно ночью, это меня как-то успокаивает. Наверно, тебе очень хочется знать, нравится ли мне в нашем Убежище. Честно говоря, сама еще не знаю. Мне кажется, я никогда не буду чувствовать себя тут как дома, но этим я вовсе не хочу сказать, что мне здесь жутко, скорее всего, мне кажется, что я попала в какой-то очень своеобразный пансион на каникулы. Довольно странный взгляд на Убежище, но ничего не поделаешь. Задний Дом – идеальное место для укрытия, хотя тут сыро

и стены косые, все-таки во всем Амстердаме, да, пожалуй, и во всей Голландии тем, кто хочет скрыться, не соорудить более удобного тайника.

До сих пор наша комнатка с пустыми стенами выглядела совсем голой. К счастью, папа еще заранее захватил всю мою коллекцию открыток и кинозвезд, и я при помощи клея и кисточки всю стену комнаты превратила в картинку, так что внешний вид стал намного веселее, а когда придут Ван Дааны, мы сделаем из досок, которые лежат на чердаке, стенные шкафчики и другие милые вещички. Марго и мама снова немного пришли в себя. Вчера мама впервые решила варить гороховый суп, но, пока она разговаривала внизу, забыла про суп, который начисто сгорел; горох совершенно обуглился, и его нельзя было отодрать от кастрюли.

Вчера вечером мы вчетвером спустились в кабинет директора и включили английскую радиопередачу. Я страшно боялась, что кто-нибудь может нас услышать, и просто умоляла папу вернуться со мной наверх. Мама поняла мой страх и поднялась со мной. Вообще мы очень беспокоимся, как бы нас не услышали или не увидели соседи. В первый же день мы сшили занавески, собственно говоря, это нельзя назвать занавесками, это просто несколько отдельных непривлекательных лоскутьев разной формы, качества и узоров, которые мы с папой ужасно непрофессионально криво сшили. Эти роскошные гардины прикрепили кнопками к оконным рамам, и, пока мы тут, их снимать не будут.

Справа от нашего дома находится филиал фирмы из Заандама, «Кех», слева – мебельная мастерская, значит, эти люди уходят по окончании рабочего дня, однако шум все же может туда проникнуть. Поэтому мы запретили Марго кашлять ночью, хотя она страшно простудилась, и даем ей огромное количество кодеина.

Я ужасно радуюсь прибытию Ван Даанов, которое намечено на вторник. Станет намного уютнее и не так тихо. Именно от тишины я очень нервничаю по вечерам и ночью, я бы отдала что угодно, лишь бы у нас ночевал кто-нибудь из наших защитников. Здесь вовсе не так ужасно, потому что нам можно тут самим готовить, а внизу в папочкиной конторе слушать радио. Менеер Клейман, и Мип, и Беп Фоскёйл тоже, они так нам помогли! Мы уже ели ревень, клубнику и вишни, и я не думаю, что мы здесь в первое время будем скучать. У нас также есть и что почитать, и мы еще купим множество настольных игр. Конечно, ни ходить на улицу, ни смотреть в окно нам вовсе нельзя. А также мы должны

вести себя очень тихо, чтобы внизу нас не услышали.

Вчера у нас было много работы, надо было очистить от косточек две корзины вишен, для конторы. Менеер Кюглер хотел законсервировать вишни. Из ящиков из-под вишен мы сделаем полки для книг.

Только что меня позвали.

Твоя Анна

28 СЕНТЯБРЯ 1942 г. (ДОБАВЛЕНИЕ)

То, что нам вообще нельзя выходить на улицу, угнетает меня больше, чем я могу выразить, и я ужасно боюсь, что нас могут обнаружить и расстрелять. Это, конечно, не очень приятная перспектива.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 12 ИЮЛЯ 1942 г.

В этот же день, месяц назад, они все были такие милые со мной, потому что у меня был день рождения, но теперь я с каждым днем все больше чувствую, как я отдаляюсь от мамы и Марго. Сегодня я много работала, и все меня безумно хвалили, а через пять минут они снова меня ругают.

Ясно видно разницу, как они обращаются с Марго и как – со мной. Марго, например, сломала пылесос, и поэтому у нас целый день нет света. Мама сказала: «Aber, Margot, man sieht, da? du keine Arbeit gewohnt bist, sonst h?ttest du gewu?t, da? man einen Staubsauger nicht an der Schnur rauszieht»[5 - Но, Марго, видно, что ты не привыкла ни к какой работе, иначе ты бы знала, что пылесос не выдергивают за шнур (нем.)]. Марго что-то ответила, и на этом история закончилась.

Но сегодня днем я хотела что-то переписать из маминого списка продуктов, так как почерк у мамы ужасно неразборчивый, но она этого не хотела, и я тут же снова получила строгий выговор, в чем приняла участие вся семья.

Я не подхожу им, и я это отчетливо вижу, особенно последнее время. Они так сентиментальничают друг с другом, а я предпочитаю давать волю чувствам, когда я одна. И потом они еще говорят, что нам так хорошо вчетвером и что мы так гармонично подходим друг к другу, а то, что я это совсем по-другому чувствую, об этом они ни на миг не задумываются.

Один только папа иногда меня понимает, но чаще всего он на стороне мамы и Марго. А еще я терпеть не могу, когда они при посторонних рассказывают о том, как я плакала и какая я разумная, мне это кажется ужасным, а иной раз они говорят о Моортье, и этого я совсем не могу вытерпеть, так как это мое уязвимое и слабое место. По Моортье я тоскую каждую минуту, и никто не знает, как много я о ней думаю. Каждый раз, как я думаю о ней, глаза мои наполняются слезами. Моортье такая милая, и я ее так люблю, и я даже строю в мечтах планы, чтобы она снова вернулась.

Мне здесь всегда так прекрасно мечтается, но реальность такова, что мы должны находиться здесь, пока не кончится война. Нам нельзя никогда выходить на улицу, и приходить к нам могут только Мип, ее муж Ян, Беп Фоскёйл, менеер Фоскёйл, менеер Кюглер, менеер Клейман и мефрау Клейман, но она не приходит, потому что считает это слишком опасным.

СЕНТЯБРЬ 1942 г. (ДОБАВЛЕНИЕ)

Папочка всегда такой милый. Он понимает меня абсолютно, и я хотела бы хоть раз поговорить с ним откровенно, только бы не залиться сразу слезами. Но, говорят, это из-за моего возраста. Я хотела бы все время писать, но тогда будет уж слишком скучно.

До сих пор я записывала в мою тетрадь в основном одни мысли, а до интересных рассказов, которые я потом смогла бы кому-то прочесть, так и не дошла. Но в дальнейшем я лучше не буду или буду меньше изливать свои чувства и больше придерживаться действительности.

ПЯТНИЦА, 14 АВГУСТА 1942 г.

Дорогая Китти!

Я тебя покинула на целый месяц, но у нас не так много нового, чтобы рассказывать каждый день что-нибудь интересное. 13 июля пришли Ван Дааны. Мы думали, что это будет четырнадцатого, но, так как немцы между 13 и 16 июля все больше и больше допекали людей, слали повсюду повестки, Ван Дааны решили, что безопаснее прийти на день раньше, чем на день позже.

Утром, в половине десятого (мы еще завтракали), пришел Петер Ван Даан, довольно скучный и застенчивый дылда, которому еще нет шестнадцати и чье общество не много обещает. Через полчаса явились мефрау и менеер Ван Даан, она, к нашему всеобщему восторгу, с большим ночным горшком в шляпной коробке. «Без горшка я нигде не чувствую себя дома», – объяснила она, и горшок был первым предметом, который нашел себе место под диваном-кроватью. Менеер не принес горшка, но зато под мышкой – складной чайный столик.

В первый день нашего совместного существования мы дружно ели вместе, и через три дня у нас было такое чувство, как будто мы стали одной большой семьей. Само собой разумеется, у Ван Даанов было еще много чего рассказать о той неделе, которую они после нас провели на земле обетованной. Кроме всего остального, нам было особенно интересно узнать, что случилось с нашей квартирой и с менеером Гольдшмидтом.

Менеер Ван Даан рассказал: «В понедельник в девять часов утра нам позвонил менеер Гольдшмидт и спросил, могу ли я ненадолго зайти. Я тотчас пошел и застал его в сильном возбуждении. Он показал мне записку, которую оставила семья Франк, и собирался, следуя предписанию в ней, отнести кошку соседям, с чем я вполне согласился. Он боялся обыска, и поэтому мы прошлись по всем комнатам, немного прибрались и убрали со стола. Вдруг я обнаружил на письменном столе мефрау Франк блокнот, в котором был записан адрес в Маастрихте. Хотя я знал, что мефрау оставила это умышленно, я сделал вид, что ужасно удивлен и испуган, и стал умолять менеера Гольдшмидта непременно сжечь этот несчастный листок. Я все время старательно показывал, что ничего не знаю о вашем исчезновении, но, после того как я увидел эту бумажку, мне в голову пришла хорошая идея. «Менеер Гольдшмидт, – сказал я, – теперь я вдруг сообразил, что может означать этот адрес. Я припоминаю, что примерно полгода назад к нам в контору приходил один высокопоставленный офицер, как оказалось, близкий друг детства менеера Франка, который обещал помочь ему в случае нужды и точно жил в Маастрихте.

Я думаю, этот офицер сдержал слово и тем или другим способом переправит менеера Франка в Бельгию, а оттуда в Швейцарию. Рассказывайте это знакомым в том случае, если кто-то из них будет у вас спрашивать о Франках. Конечно, лучше не упоминать Маастрихт». С этим я ушел. Теперь большинство знакомых уже в курсе дела, потому что мне передавали эту версию много раз». Мы были в восторге от этой истории, но еще больше хохотали над силой воображения людей, когда менеер Ван Даан рассказывал о наших знакомых. Например, одна семья с Мерведеплейн видела нас всех четверых рано утром, проезжающих мимо на велосипедах, а другая дама утверждала, что сама видела, как нас глубокой ночью увозила военная машина.

Твоя Анна

ПЯТНИЦА, 21 АВГУСТА 1942 г.

Дорогая Китти!

Наше укрытие только теперь стало настоящим тайником. Менеер Кюглер решил, что будет лучше перед нашей входной дверью поместить шкаф (потому что сейчас много обысков – ищут велосипеды), но, конечно, подвижной шкаф, который открывался бы как дверь. Менеер Фоскёйл соорудил эту штуку. (Мы поведали менееру Фоскёйлу о семерых скрывающихся, и он готов помогать во всем.)

Теперь, когда спускаешься вниз, нужно сначала нагнуться, а потом прыгнуть, так как ступенька снята. Через три дня мы все набили страшные шишки на лбу, потому что все стучались головой о низкую притолоку. Потом Петер сделал ее как можно мягче, прибавив к ней тряпку, набитую древесной ватой. Посмотрим, поможет ли!

Учусь я немного, до сентября я сама себя отпустила на каникулы. Потом папа собирается давать мне уроки, но для этого надо сначала купить новые учебники.

Жизнь тут однообразная. Сегодня Петер помыл голову, но в этом нет ничего особенного. Мы с менеером Ван Дааном постоянно ссоримся. Мама обращается со мной, как с маленькой, а я этого не выношу. В остальном стало как будто лучше. Петер мне все еще не нравится, он противный парень, весь день

валяется на кровати, иногда что-то мастерит, а потом опять спит. Такой тьюфяк!

Мама сегодня утром опять читала противную нотацию. Наши мнения прямо противоположны. Папа – милашка, хотя он может иногда минут пять на меня злиться.

Погода теплая, и вопреки всему мы извлекаем из этого как можно больше пользы, лежа на чердаке на раскладушке.

Твоя Анна

21 СЕНТЯБРЯ 1942 г. (ДОБАВЛЕНИЕ)

Менеер Ван Даан в последнее время подлизывается ко мне, а я никак не реагирую.

СРЕДА, 2 СЕНТЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Менеер и мефрау Ван Даан страшно поссорились. Такого я еще в жизни не видела, потому что папа с мамой ни за что на свете не стали бы так орать друг на друга. Повод настолько пустячный, что о нем и говорить не стоило. Впрочем, каждый на свой лад!

Конечно, это ужасно неприятно для Петера, он же находится сейчас между двух огней, но Петера уже никто не принимает всерьез, потому что он невероятный неженка и лентяй. Вчера он страшно заволновался оттого, что у него язык стал синего цвета вместо красного. Однако это редкое явление исчезло так же быстро, как и возникло. Сегодня он обмотал шею толстым шарфом, так как она одеревенела, а еще менеер жалуется на прострел в спине. Боли между легкими, сердцем и почками ему тоже не чужды. Типичный ипохондрик! (Кажется, это так называется?)

Мама и мефрау Ван Даан не очень ладят друг с другом. Поводов для недовольства достаточно. В качестве небольшого примера хочу рассказать тебе, что мефрау Ван Даан забрала из общего бельевого шкафа все свои простыни и оставила только три. Она, конечно, считает, что маминым бельем могут пользоваться все. Ей, наверно, очень не понравится, когда она увидит, что мама последовала ее хорошему примеру.

А еще мефрау ужасно бесит, что пользуются ее сервизом, а не нашим. Все время пытается узнать, где мы припрятали наши тарелки, и не подозревает, что сидит в двух шагах от них! Ведь мы спрятали их на чердаке, в картонных коробках, за кучей реклам «Опекты». Пока мы прячемся, они в неприступном месте. Тем лучше! Мне все время не везет. Вчера я вдребезги разбила суповую тарелку из сервиза мефрау.

Мефрау сердито закричала: «Ой, будь же осторожнее! Это единственное, что у меня осталось!»

Пожалуйста, имей в виду, Китти, что эти две дамы говорят у нас по-голландски безобразно (о господах я не смею ничего сказать, их бы это ужасно обидело). Если б ты только услышала эту тарабарщину, ты бы расхохоталась. Мы уже не обращаем внимания, поправлять все равно не имеет смысла. Я не буду, когда я пишу о маме и мефрау Ван Даан, передавать их оригинальный говор, а буду писать на нормальном голландском.

На прошлой неделе произошло небольшое нарушение нашей монотонной жизни, повод к тому – книга про женщин и Петер. Должна тебе сказать, что Марго и Петеру разрешают читать почти все книги, которые нам приносит менеер Клейман, но эту особую книгу о женском вопросе взрослые все же решили придержать в своих руках. Это сразу разожгло у Петера любопытство. О чем таком запрещенном написано в этой книге? Он тайком вытащил ее у матери, пока та болтала внизу, и скрылся с добычей на чердаке. Два дня все шло гладко. Мефрау Ван Даан давно знала, чем он занимается, однако не выдавала его, пока менеер Ван Даан не напал на след. Он рассердился, отнял у Петера книгу и решил, что на этом дело кончено. Но он не представлял себе, насколько разгорелось любопытство у его сына, который ничуть не растерялся после решительного поступка папаши. Он стал придумывать, как бы дочитать эту более чем интересную книгу.

Тем временем меффрау посоветовалась с мамой, какого та мнения. Мама сказала, что и для Марго эта книга не подходит, хотя во многих других книгах она не видит зла. «Между Марго и Петером большая разница, меффрау Ван Даан, – сказала ей мама. – Во-первых, Марго девочка, а девочки вырастут раньше мальчиков, во-вторых, Марго прочитала больше серьезных книг и она не выискивает вещи, которые ей уже не запрещены, и, в-третьих, Марго гораздо развитее и умнее, и это естественно после четырех лет лица».

Меффрау Ван Даан согласилась, но все же считала, что в принципе не стоит давать молодежи книги, предназначенные для взрослых.

Между тем Петер улучил момент, когда никто не обращал внимания ни на него, ни на книгу. Вечером, в половине восьмого, когда все семейство слушало радио в кабинете директора, он снова забрался со своим сокровищем на чердак. В половине девятого он должен был опять сойти вниз, но книга была такой захватывающей, что он, забыв о времени, спустился с чердачной лестницы как раз в тот момент, когда его отец входил в комнату. Понятно, что тут последовало; стук, удар, рывок, и вот книжка на столе, а Петер снова на чердаке.

Так обстояли дела, когда супруги пришли ужинать. Петер остался наверху, никто о нем не вспоминал, его оставили без ужина. Мы продолжали есть, весело болтая, когда вдруг до нас донесся пронзительный свист. Все положили вилки и, побледнев, в ужасе уставились друг на друга.

Тут мы услышали голос Петера, кричащего через печную трубу:
«Не воображайте, что я спущусь!»

Менеер Ван Даан вскочил, уронил на пол салфетку и, покраснев как рак, закричал: «Нет, это уж слишком!» Папа схватил его за руку, боясь, как бы он не наделал беды, и они вместе поднялись наверх. Петер долго сопротивлялся, отбиваясь руками и ногами, после чего его препроводили в его комнату, закрыли дверь и мы продолжали есть.

Меффрау Ван Даан хотела отложить для сыночка бутерброд, но менеер был неумолим. «Если он сейчас же не попросит прощения, пусть спит на чердаке».

Мы протестовали, считая, что остаться без ужина – достаточное наказание. Если Петер простудится, то нельзя даже позвать врача.

Петер не попросил прощения, он снова сидел на чердаке. Менеер Ван Даан больше не вмешивался, но на следующее утро увидел, что постель Петера смята. В семь часов он опять забрался на чердак и только после дружеских уговоров папы согласился сойти вниз. Три дня все ходили хмурые, упрямо молчали, а потом все пошло по-старому.

Твоя Анна

ПОНЕДЕЛЬНИК, 21 СЕНТЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Сегодня расскажу тебе про будничные новости в нашем Убежище. Над моим диваном повесили лампочку, так что в случае стрельбы я могу дергать за веревочку. Однако пока этого делать нельзя, так как наше окно днем и ночью приоткрыто.

Мужская половина Ван Даанов соорудила очень удобный продуктовый шкаф, его проморили и натянули настоящие сетки от мух. Эта шикарная вещь стояла сначала в комнате Петера, но была перемещена на чердак, так как там прохладнее. Вместо нее здесь теперь полка. Я ему посоветовала перенести туда стол, с симпатичной скатертью, а там, где теперь стол, повесить на стену шкафчик. Тогда может получиться вполне уютный уголок, хотя я там не очень-то хотела бы спать.

Мефрау Ван Даан невыносима. Я получаю от верхних постоянные выговоры за мою вечную болтовню. А я не обращаю внимания! У мадам новая причуда. Вдруг ей взбрело в голову не мыть кастрюли. Если осталась хоть какая-нибудь еда, то она не складывает ее на стеклянное блюдо, а оставляет портиться в кастрюле. А когда потом днем для Марго остается много кастрюль, то мадам говорит: «Ох, Марготь, Марготь, у тебя дел по горло!»

Менеер Клейман приносит мне каждую неделю какие-нибудь книги для девочек. Я в восторге от серии о Йоопе тер Хейле. Мне очень по душе все, что пишет

Сисси ван Марксвелдт. «Веселое лето» я прочла уже четыре раза и в смешных местах все равно хохочу.

Мы с папой составляем теперь родословную его семьи, и он мне рассказывает что-нибудь обо всех.

Мы начали заниматься. Я усердно занимаюсь французским и каждый день вызубриваю пять неправильных глаголов. Но я ужасно много забыла из того, что учила в школе.

Петер пыхтит над своими английскими уроками. Мы только что получили некоторые учебники; запас тетрадей, карандашей, наклеек и резинок я принесла с собой из дому в большом количестве. Пим (это папино ласкательное прозвище) хочет брать уроки голландского. Я, конечно, согласилась на это, как вознаграждение за его помощь по французскому и по другим предметам. Но ляпсусы, которые он делает, просто невероятны!

Иногда слушаю передачи «Оранье», только что выступал принц Бернард. В январе у них родится ребенок, сказал он. Я очень рада, а у нас здесь все удивляются, почему я такая поклонница «Оранье».

Несколько дней назад мы вечером говорили о том, что я все-таки еще очень глупая, и в результате я засела за зубрежку, мне абсолютно не хочется в четырнадцать или в пятнадцать лет быть первоклассницей. Потом зашел разговор о том, что мне почти ничего не разрешают читать. Мама читает сейчас «Господа, дамы, слуги», мне это, конечно, запрещено (а Марго можно!), сначала надо стать чуть более образованной, как моя талантливая сестрица. Потом мы говорили и о моем невежестве в области философии, психологии и физиологии (я сразу же посмотрела в словарь, как писать эти трудные слова!), тут я и в самом деле ничего не знаю. Может быть, к будущему году стану поумнее!

С ужасом я обнаружила, что у меня на зиму только одно платье с длинными рукавами и три шерстяные кофточки. Папа позволил мне связать себе пуловер из белой овечьей шерсти. Шерсть, правда, не очень красивая, но зато очень теплая. Мы спрятали еще кое-какую одежду у других людей, но достать ее можно будет, к сожалению, только после войны, если что-нибудь уцелеет.

Как раз когда я тебе что-то писала про мефрау Ван Даан, она вошла в комнату, я тут же захлопнула тетрадь.

- Эй, Анна, можно мне взглянуть?

- Нет, мефрау.

- Ну, только последнюю страничку.

- Нет, и последнюю нельзя.

Я перепугалась, конечно, до смерти, ведь именно на этой странице я писала про нее не особенно лестные слова.

Каждый день что-нибудь случается, но я слишком ленива и устала, чтобы все описывать.

Твоя Анна

ПЯТНИЦА, 25 СЕНТЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

У папы есть старый знакомый, менеер Дреер, мужчина лет семидесяти пяти, ужасно тугой на ухо, больной и бедный, и тянет на себе, в качестве тягостного приложения, женщину на двадцать семь лет его моложе, тоже бедную, ее руки и ноги обвешаны настоящими и поддельными браслетами и кольцами, которые остались еще со старых золотых времен. Этот менеер Дреер уже доставил папе много хлопот, и я всегда восхищалась ангельским терпением, с каким папа выслушивал по телефону этого жалкого человечка. Мама всегда советовала папе, пока мы еще были дома, поставить около телефона граммофон, такой, который через каждые три минуты говорил бы «да, менеер Дреер» и «нет, менеер Дреер», так как старик все равно не мог расслышать папины обстоятельные ответы.

Сегодня менеер Дреер позвонил в контору и спросил менеера Кюглера, не может ли тот зайти на минутку. Менеер Кюглер идти не хотел и решил послать Мип. Мип позвонила и сказала, что не сможет. Меффрау Дреер звонила потом три раза, но так как Мип целый день якобы отсутствовала, то ей приходилось подделывать по телефону голос Беп. Внизу (в конторе), а также наверху стоял жуткий хохот, и теперь каждый раз, как звонит телефон, Беп говорит: «Это меффрау Дреер!» Из-за чего Мип уже заранее начинает смеяться и разговаривает по телефону с людьми, очень невежливо хихикая. Да-да, это что-то особенное, такой потрясающей фирмы, как наша, где так веселятся директора вместе с секретаршами, не сыщешь во всем белом свете!

Вечерами я иногда хожу к Ван Даанам, немного поболтать. Тогда мы едим «нафталиновые» печенья с патокой (коробка с печеньем стояла в платяном шкафу, который пересыпан нафталином от моли) и веселимся. Недавно разговор зашел о Петере. Я рассказала, что Петер часто гладит меня по щеке и что я этого не люблю. Они спросили меня, типично по-родительски, не могу ли я полюбить Петера, потому что он наверняка меня очень любит. Я подумала: «Ой-ой-ой!» – и сказала: «О нет!» Представляешь? Потом я сказала, что Петер ведет себя немного неловко и что я думала, он стесняется. Так бывает со всеми мальчиками, которые пока нечасто встречались с девочками.

Я должна сказать, что «подпольный комитет» Заднего Дома (отделение господ) оказался весьма изобретательным. Послушай, что они теперь придумали, чтобы менеер Брокс, торговый агент фирмы «Опекта», наш знакомый и тайный хранитель нашего имущества, получил от нас весточку! Они напечатают письмо лавочнику, косвенному клиенту «Опекты» в Зеус-Вландерен, с тем чтобы он заполнил вложенную записку в качестве ответа и, вложив ее в прилагаемый конверт, выслал обратно. На этом конверте папа напишет адрес. Когда этот конверт из Зеус-Вландерен вернется, вложенная записка будет вынута и папа напишет другую собственной рукой, давая тем о себе знать, и вложит в конверт. Таким образом Брокс сможет прочитать это, не подозревая, где мы. Они выбрали именно Зеус-Вландерен, потому что эта область находится близко от Бельгии и, значит, письмо могло быть нелегально переправлено через границу и потому что туда никого не пускают без специального разрешения. Простой торговый агент вроде Брокса такое разрешение вряд ли получит.

Папа вчера опять разыграл комедию. Его мутило от усталости, и он свалился в кровать. Так как у него мерзли ноги, то я надела ему мои спальные тапочки. Через пять минут они уже валялись около его кровати. Потом ему стал мешать

свет, и он забрался с головой под одеяла. Когда свет был выключен, он очень осторожно вылез из-под одеял. Это было ужасно комично. Потом разговор зашел о том, что Петер называет Марго «тетей». Вдруг из глубины раздался папин голос: «Здравствуйте, я ваша тетя».

Кошка Муши становится все более милой и ласковой со мной, но я все еще побаиваюсь ее.

Твоя Анна

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 27 СЕНТЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Сегодня у нас с мамой была так называемая «дискуссия», но самое неприятное то, что я сразу пускаюсь в слезы, я ничего не могу с собой поделать. Папа всегда мил со мной, и он понимает меня намного лучше. Ах, в такие минуты я маму снова терпеть не могу, и я ей тоже чужая, это очевидно, она даже не имеет понятия, что я думаю о самых простых вещах.

Речь зашла о прислуге, о том, что надо бы называть ее «помощницей по хозяйству» и что это именно так и будет называться после войны. Я была не совсем согласна, и тогда она сказала, что я, мол, слишком часто говорю о том, что будет после, и что я при этом представляю себя взрослой дамой. Но это вовсе не так, почему же мне нельзя иногда строить воздушные замки, ведь ничего в этом страшного нет, зачем же это так серьезно воспринимать! По крайней мере, хоть папочка меня защищает, без него я бы здесь почти наверняка не выдержала.

С Марго у меня тоже отношения не ахти. Хотя в нашей семье никогда не бывает таких скандалов, как наверху, все-таки мне обстановка далеко не всегда приятна. У меня совершенно другой характер, чем у мамы и Марго. Я понимаю своих подруг лучше, чем собственную мать. Как жаль!

Мефрау Ван Даан уже в который раз не в духе, она ужасно капризна и прячет все больше личных вещей. Жаль, что мама не отвечает на каждую «ван-даановскую» пропажу «франковской» пропажей.

Очевидно, некоторым людям доставляет особенное удовольствие воспитывать не только своих детей, но и детей своих знакомых, Ван Дааны именно такие. Марго воспитывать нечего: она от природы сама доброта, ум, сердечность, но ее недостающую долю пороков с избытком восполняю я. Сколько раз во время еды случается перебранка. Папа и мама всегда пылко меня защищают, без них я не смогла бы хладнокровно опять и опять вступать в борьбу. Хотя они меня снова и снова предупреждают, что я должна меньше говорить, ни во что не вмешиваться и вести себя скромнее, чаще всего мне это не удается. Не будь папа каждый раз так терпелив, я бы уже давно потеряла надежду, что хоть когда-нибудь смогу достаточно соответствовать родительским требованиям, хотя они вовсе не такие уж высокие.

Если я беру мало овощей, которых терпеть не могу, а вместо них ем картошку, Ван Дааны, особенно мефрау, не могут не возмутиться моей «избалованностью».

– Давай, Анна, возьми-ка еще немного овощей, – следует тут же.

– Нет, спасибо, мефрау, – отвечаю я, – мне достаточно картошки.

– Овощи очень полезны, твоя мама сама так говорит, возьми еще, – настаивает она, пока не вмешается папа и не поддержит мой отказ.

Тогда мефрау рявкает:

– Вам следовало бы побывать у нас дома, там, по крайней мере, детей воспитывали. Что это за воспитание! Вы вконец избаловали Анну, я бы никогда такое не одобрила. Если бы Анна была моей дочерью...

Этим всегда начинается и заканчивается ее тирада слов. «Если бы Анна была моей дочерью». Ну, к счастью, я ей не дочь.

Но чтобы вернуться к нашей теме о воспитании: вчера, после последних многозначительных слов мефрау, наступила тишина. Потом папа ответил:

– Я считаю, что Анна очень хорошо воспитана, по крайней мере, она уже так многому научилась, что больше не отвечает на ваши долгие проповеди. А что касается овощей, то тут я ничего другого не могу сказать, как только: «Vice

versa![6 - Наоборот (лат.). Здесь в смысле: «На воре шапка горит».]

Мефрау была побита, и к тому же основательно. Это «vice versa» было, конечно, прямым попаданием в мадам, потому что она по вечерам не может выносить ни бобовых, ни любых видов капусты, ведь от них она «пускает ветры». Впрочем, и я тоже. Ах, какая же она идиотка. Пусть, по крайней мере, в отношении меня придержит язык.

Ужасно забавно видеть, как мефрау Ван Даан легко краснеет. А я-то нет, и от этого она страшно злится в душе.

Твоя Анна

ПОНЕДЕЛЬНИК, 28 СЕНТЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Мое вчерашнее письмо было далеко не закончено, когда мне пришлось оторваться. Я не могу отказать себе в удовольствии рассказать тебе еще об одном разногласии, но, прежде чем я к этому приступлю, вот еще что: мне так странно, что взрослые ссорятся так быстро, так часто и по поводу всевозможных мелочей. До сих пор я всегда думала, что спорить – детская привычка, которая позже проходит. Конечно, иногда может быть причина для «настоящей» ссоры. Но эта вечная перебранка тут у нас – не что иное, как дразги. Поскольку эти дразги стали обычным делом, я должна была бы в общем-то к ним привыкнуть. Однако это не так, и, наверное, так и не будет, пока почти в каждой «дискуссии» (это слово употребляют тут вместо «ссоры», конечно, совершенно ошибочно, но немцы не придумали ничего лучшего!) речь заходит обо мне. Ничего, ну просто ничего не находят они во мне хорошего: мое поведение, характер, манеры – они оговаривают и обсуждают меня по частям, с ног до головы и с головы до ног, и то, к чему я совершенно не привыкла, это грубые слова и крик по моему адресу, которые мне надо мужественно глотать, по мнению облеченной полномочиями стороны. Это не в моих силах! Я не намерена допускать все эти оскорбления, я им еще покажу, что Анна Франк не вчера родилась, они еще раскроют глаза и тут же заткнут пасть, когда я им покажу, что им бы следовало начать не с моего, а прежде всего с собственного воспитания. Что за манера вести себя! Просто варварство. До сих пор меня каждый раз снова и снова поражает такая невоспитанность

и прежде всего... глупость (мефрау Ван Даан). Но как только я к этому привыкну, а это уже скоро произойдет, я им выскажу все начистоту, тогда они по-другому заговорят! Разве я и на самом деле такая невоспитанная, норовистая, упрямая, нескромная, глупая, ленивая и т. д. и т. п., как утверждают верхние? Ах нет, конечно, я знаю, у меня много ошибок и недостатков, но они их просто невероятно преувеличивают! Если бы ты только знала, Китти, как я порой киплю от этой ругани и издевательств. Уж точно не долго еще осталось ждать, когда мой накопленный гнев выплеснется наружу.

Но теперь хватит об этом, я тебе уже давно надоела со своими ссорами, но все же я не могу так оставить, я дам тебе проследить особо интересную дискуссию за столом. Речь тем или иным образом зашла об исключительной скромности Пима. Его скромность – факт неоспоримый, даже самые большие идиоты не стали бы подвергать ее сомнению. Вдруг мефрау Ван Даан сказала, так как она непременно должна перевести любой разговор на себя:

– Я тоже очень скромная, гораздо скромнее, чем мой муж!

Представляешь? Ведь уже эта фраза ясно показывает ее скромность!

Менеер Ван Даан, который счел нужным поподробнее объяснить это «чем мой муж», ответил очень хладнокровно:

– Я и не хочу быть скромным. Опыт моей жизни показывает, что нескромные люди достигают гораздо большего, чем скромные. – И затем, обращаясь ко мне: – Лучше не будь скромницей, Анна, этим уж точно многого не добьешься.

С этой точкой зрения мама была совершенно согласна. Но мефрау Ван Даан, как обычно, должна была вставить свое словечко на воспитательную тему. Но на этот раз она обратилась не прямо ко мне, а к моим родителям:

– Надо иметь своеобразный взгляд на жизнь, чтобы подобное говорить Анне. Во времена моей юности было по-другому, хотя что там говорить, несомненно, это еще и сейчас по-другому, кроме как в вашем современном семействе!

Это последнее относилось к тому, что мама неоднократно защищала современное воспитание. Мефрау Ван Даан была красная как рак от возбуждения. У людей, которые краснеют, поднимается температура, а от

этого они еще больше взвинчиваются и быстрее проигрывают противнику.

Некраснеющая мама хотела на этом всю эту историю поскорее закончить и, не долго думая, ответила:

– Мефрау Ван Даан, я тоже, честно говоря, считаю, что куда лучше быть чуть менее скромным в жизни. Мой муж, Марго и Петер – все трое скромны сверх обычного. Нельзя сказать, что ваш муж, Анна, вы и я – нескромные, но мы не так легко дадим себя в обиду.

Мефрау Ван Даан: Но как же, мефрау, я вас не понимаю! Я на самом деле необыкновенно скромна. Как вам пришло в голову назвать меня нескромной?

Мама: Вы ни в коем случае не нескромная, но никто не посчитал бы вас особой скромницей.

Мефрау: Я бы очень хотела узнать, в чем моя нескромность! Если бы я тут сама о себе не заботилась – уж никто другой этого точно не сделает, – то я должна была бы умереть с голоду, но это еще не значит, что я не такая же скромная, как ваш муж.

Мама, понятно, рассмеялась, слыша эти смехотворные оправдания. Мефрау Ван Даан пришла в раздражение и дополнила свой изящный рассказ длинной серией прекрасных немецко-голландских и голландско-немецких выражений: прирожденная ораторша так запуталась в собственных словах, что в конце концов поднялась со стула, чтобы выйти из комнаты, но тут ее взгляд упал на меня. Если б ты только это видела! К несчастью, именно в то мгновение, когда мефрау повернулась к нам спиной, я сочувственно и иронически покачала головой, не нарочно, а совсем нечаянно, так напряженно я следила за всем потоком речи. Мефрау вернулась и начала браниться громко, по-немецки, язвительно и некультурно, точь-в-точь как толстая, красная базарная баба. Просто заглядение. Если бы я умела рисовать, я бы лучше всего изобразила ее именно в этой позе, так смешна была эта маленькая, дурная глупая женщина! Но я знаю теперь одну вещь, и это вот что: только тогда хорошо узнаешь человека, когда один раз с ним поссоришься по-настоящему. Тогда лишь сможешь судить о его характере!

Твоя Анна

ВТОРНИК, 29 СЕНТЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Скрываясь, переживаешь странные вещи! Представь себе, из-за того, что у нас нет ванны, мы моемся в тазике, и так как горячая вода есть только в конторе (я всегда так называю весь нижний этаж), то мы, все семеро, ходим туда по очереди пользоваться этим большим достоянием. Но так как мы все семеро еще и такие разные и проблема стеснительности для некоторых стоит выше, чем для других, то каждый член семейства нашел себе особое место для купания. Петер принимает ванну в кухне, хотя там стеклянная дверь. Если он собирается принять ванну, то посещает нас всех по очереди и сообщает, что ближайшие полчаса мы не должны ходить мимо кухни. Этой меры, по его мнению, достаточно. Менеер же моется наверху. Безопасность в своей собственной комнате возмещает ему труд тащить горячую воду по всем лестницам. Мефрау пока вообще обходится без ванны, она выжидает, какое место окажется самым лучшим. Папа моется в кабинете директора, мама на кухне, за печной перегородкой. Марго и я предпочли плескаться в передней конторе. По субботам днем там закрывают занавески, и тогда мы совершаем омовение в темноте, а пока та, которая ждет своей очереди, смотрит сквозь щелку в занавеске на улицу и изумляется смешным людям.

С прошлой недели мне эта «ванная» перестала нравиться, и я начала искать более комфортабельную обстановку. Именно Петер подсказал мне идею – ставить мой тазик в просторной уборной в конторе. Там я могу садиться, включать свет, закрыть дверь на крючок, сама выливать воду без чьей-либо помощи и быть в безопасности от нескромных взглядов. В воскресенье я впервые пользовалась моей прекрасной ванной, и, как ни странно, мне это нравится больше, чем какое-либо другое место.

В среду внизу был водопроводчик, чтобы переложить в коридоре водопроводные и канализационные трубы от уборной в конторе. Это для того, чтобы трубы не замерзли, если будет холодная зима. Посещение водопроводчика было для всех крайне неприятным. Нам нельзя было не только в течение дня включать воду, но и пользоваться уборной. Конечно, очень неприлично рассказывать тебе о том, что же мы только не делали, чтоб справиться с этой бедой. Я не такая чопорная, чтобы не говорить о подобных вещах. Мы с папой

с начала нашего заточения обзавелись импровизированным горшком, то есть за отсутствием ночной вазы пожертвовали для этой цели стеклянную банку. Такие банки мы во время посещения водопроводчика поставили в комнату, и там днем хранились наши испражнения. Это было еще далеко не так ужасно по сравнению с тем, что целый день мне надо было сидеть тихо и не разговаривать. Ты себе не можешь представить, с каким трудом это удалось юффрау Кря-Кря. Мы уже и так, в обычные дни, вынуждены шептаться; а вовсе не разговаривать и не двигаться – еще в десять раз ужаснее.

После того как я три дня подряд сидела, прилипнув одним местом, моя попка стала совершенно жесткой и болела. Вечерняя зарядка помогла.

Твоя Анна

ЧЕТВЕРГ, 1 ОКТЯБРЯ 1942 г.

Дорогая Китти!

Вчера я страшно перепугалась. Вдруг в восемь часов раздался очень резкий звонок. Я думала, не иначе как кто-то пришел, ты сама понимаешь кто. Но когда они все стали уверять меня, что это наверняка или мальчишки шалят, или почта, я немного успокоилась.

Дни здесь становятся ужасно тихие. Левинсон, маленький еврей-аптекарь и химик, работает на кухне для менеера Кюглера. Он очень хорошо знает весь дом, и поэтому мы постоянно боимся, что ему придет в голову пойти взглянуть на бывшую лабораторию. Мы ведем себя тихо, как новорожденные мышата. Кто бы мог предположить три месяца назад, что Анна, подвижная, как ртуть, час за часом должна будет и сможет так тихо сидеть? 29-го был день рождения меффрау Ван Даан. Хотя это не отмечалось широко, все же ее почтили цветами, подарочками и вкусной едой. Похоже, что красные гвоздики от ее господина супруга – семейная традиция.

Чтобы еще остановиться на меффрау Ван Даан, могу тебе сказать, что меня страшно раздражают ее вечные попытки флиртовать с папой. Она гладит его по щеке и по волосам, задирает очень высоко свою юбочку, пытается острить и таким образом привлечь к себе внимание Пима. К счастью, Пим считает ее

некрасивой и неинтересной и не обращает внимания на ее флирт. Я, как ты знаешь, довольно ревнива, так что я этого не выношу. Мама ведь такого тоже не проделывает с менеером. Я ей это прямо в лицо заявила.

Петеру иногда приходят в голову забавные идеи. Одно пристрастие, которое служит нам поводом для веселья, у нас с ним общее, это переодевание. Он надел ужасно узкое платье своей матери, я – его костюм, и так мы появились: на нем шляпа, на мне кепка. Взрослые валялись от смеха, и мы веселились не меньше.

Беп купила мне и Марго в «Бейенкорфе» новые юбки. Гадкая ткань, как джут, из которого делают мешки для картофеля. Такая штука, которую раньше магазины не посмели бы продавать, теперь стоит – одна 7,75 гульденов, а другая 24 гульдена. Еще что-то интересное в качестве сюрприза! Беп заказала в какой-то организации письменные курсы стенографии для меня, Марго и Петера. Вот увидишь, какими первоклассными стенографистами мы будем в следующем году. В любом случае я считаю, что это безумно важно – выучить по-настоящему такую тайнопись.

У меня страшная боль в указательном пальце (на левой руке), и теперь я не могу гладить, к счастью!

Менеер Ван Даан хотел, чтобы я лучше пересела за столом к нему, так как Марго, по его мнению, ест последнее время недостаточно. А мне такая перемена тоже вполне нравится. В саду теперь всегда бродит такой маленький черный котенок, который снова напоминает мне о моей Моортъе... о моя родная! Мама беспрестанно делает какие-нибудь замечания, особенно за столом, поэтому перемена мест радует. Теперь Марго страдает от этого или, лучше сказать, не страдает, потому что к ней у мамы не такие колкие придирки. Этот примерный ребенок! «Примерным ребенком» я теперь ее дразню все время, чего она не выносит. Может быть, она от этого отучится, пора бы уж.

В завершение всякой всячины – особо остроумная шутка менеера Ван Даана.

«Кто говорит 39 раз «клик» и 1 раз «клак»?

Сороконожка с одним протезом».

Пока, твоя Анна

СУББОТА, 3 ОКТЯБРЯ 1942 г.

Дорогая Китти!

Вчера меня ужасно дразнили, потому что я лежала с менеером Ван Дааном на кровати. «Уже в таком возрасте, позор!» и так далее в подобных выражениях. Пошло, конечно. Я бы никогда не согласилась спать с менеером Ван Дааном, в привычном значении этого слова, конечно. Вчера снова была стычка, и мама безумно вышла из себя, она поведала папочке обо всех моих грехах и начала ужасно плакать, я, конечно, тоже, а у меня уже и до этого ужасно болела голова. Наконец-то я рассказала папочке, что я гораздо больше люблю его, чем маму. На что он ответил, что это со временем пройдет, но я этому не верю. Ведь маму я не выношу, и я должна себя силой заставлять не грубить ей постоянно и оставаться спокойной. Я могла бы ударить ее прямо в лицо, я не знаю, откуда это, почему она вызывает у меня такую страшную антипатию. Папа сказал, что если мама плохо себя чувствует или у нее болит голова, то я сама разок должна предложить что-нибудь для нее сделать, но я этого не делаю, ведь я ее не люблю, а потому и не хочу этого делать. Я вполне могу себе представить, что однажды мама умрет, но то, что папа однажды умрет, мне кажется, я не переживу. Это, конечно, ужасно подло с моей стороны, но я так чувствую. Я надеюсь, что мама никогда не прочитает этого, да и все остальное тоже.

В последнее время мне разрешают читать немного более взрослые книги. Сейчас я читаю «Детство Евы» Нико ван Сяхтелен. Я не вижу особо большой разницы между детской книгой и этой. Ева думала, что дети, как яблоки, растут на деревьях и что аист их срывает с дерева, когда они созреют, и приносит их матерям. Но кошка ее подруги окотилась, и котята появились из кошки. Тут она подумала, что кошка, прямо как курица, откладывает яйца, высиживает их, а матери, у которых появляются дети, тоже за пару дней до этого поднимаются наверх, чтоб отложить яйцо и потом его высиживать. Когда ребеночек появляется, матери чувствуют еще немного слабость от долгого сидения на корточках. Теперь Еве тоже захотелось иметь ребеночка. Она взяла шерстяной шарф и положила его на пол, чтобы яйцо выпало на него. Потом она села на корточки и начала тужиться. При этом она закудаhtала, но яйцо не появилось. В конце концов, после очень долгого сидения, что-то выскочило, но не яйцо, а колбаска. Еве было так стыдно. Она думала, что заболела. Смешно, а? В «Детстве Евы» говорится также о том, как женщины на улице продают свое

тело и спрашивают за это кучу денег. Я бы со стыда сгорела перед таким мужчиной. Далее там еще говорится, что у Евы начались месячные. О, этого я так жажду, тогда я, по крайней мере, стану взрослой.

Папа снова ворчит и грозит, что отберет мой дневник, о непреодолимый ужас! В дальнейшем я его лучше припрячу.

Анна Франк

СРЕДА, 7 ОКТЯБРЯ 1942 г.

Теперь я представляю себе, что... я еду в Швейцарию. Мы с папой спим в одной комнате, в то время как кабинет мальчиков[7 - Здесь подразумеваются двоюродные братья - Бернард и Стефан.] стал моей комнаткой, где я сижу и принимаю моих гостей. Вот мне купили в качестве сюрприза новый мебельный гарнитур с чайным столом, письменным столом, креслами и диваном, просто замечательно. Через пару дней папа дает мне 150 гульденов, в другой валюте, конечно, но я все же буду говорить «гульден», и он говорит, что я могу купить на них все, исключительно для себя самой, что я считаю необходимым. (Позже я буду получать каждую неделю по гульдену. На него я тоже смогу покупать, что сама пожелаю.) Мы с Бернардом идем по магазинам, и я покупаю:

3 летние рубашки по 0,50 = 1,50.

3 пары летних брюк по 0,50 = 1,50.

3 зимние рубашки по 0,75 = 2,25.

3 пары зимних брюк по 0,75 = 2,25.

2 нижние юбки по 0,50 = 1,00.

2 бюстгалтера (самого маленького размера) по 0,50 = 1,00.

5 пижам по 1,00 = 5,00.

1 летний халат по 2,50 = 2,50.

1 зимний халат по 3,00 = 3,00.

2 ночные куртки по 0,75 = 1,50.

1 маленькая подушечка по 1,00 = 1,00.

1 пара летних тапочек по 1,00 = 1,00.

1 пара зимних тапочек по 1,50 = 1,50.

1 пара летних ботинок (школьных) по 1,50 = 1,50.

1 пара летних ботинок (выходных) по 2,00 = 2,00.

1 пара зимних ботинок (школьных) по 2,50 = 2,50.

1 пара зимних ботинок (выходных) по 3,00 = 3,00.

2 фартука по 0,50 = 1,00.

25 носовых платков по 0,05 = 1,25.

4 пары шелковых чулок по 0,75 = 3,00.

4 пары гольфов по 0,50 = 2,00.

4 пары носков по 0,25 = 1,00.

2 пары толстых чулок по 1,00 = 2,00.

3 клубка белой шерсти (на брюки, шапку) = 1,50.

3 клубка синей шерсти (свитер, юбка) = 1,50.

3 клубка цветной шерсти (шапка, шарф) = 1,50.

шарфы, пояса, воротнички, пуговицы = 1,25.

Еще также 2 школьных платья (летних), 2 школьных платья (зимних), 2 выходных платья (летних), 2 выходных платья (зимних), 1 летнюю юбку, 1 выходную зимнюю юбку, 1 школьную зимнюю юбку, 1 дождевик, 1 летнее пальто, 1 зимнее пальто, 2 шляпы, 2 шапки.

Все вместе 108 гульденов.

2 сумки, 1 платье для катания на коньках, 1 пару коньков с ботинками, 1 шкатулку (с пудрой, вазелином, жидкой пудрой, кремом для очистки лица, маслом от загара, ватками, аптечкой, румянами, губной помадой, карандашом для бровей, ароматическими солями, ароматической пудрой, одеколоном, мылом, пуховкой).

Потом еще 4 свитерочка по 1,50; 4 блузки по 1,00; разные вещички на 10,00; книги и подарочки на 4,50.

ПЯТНИЦА, 9 ОКТЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Сегодня ничего, кроме страшных и угнетающих вестей, сообщить не могу. Многих наших знакомых евреев хватают группами. Гестапо обходится с ними отнюдь не мягко, их просто отвозят в вагонах для скота в Вестерборк, большой лагерь для евреев в Дренте. Мип рассказала о ком-то, кто сбежал из Вестерборка. Вестерборк, должно быть, ужасен. Есть людям почти не дают, а пить и подавно. Только один час в день есть вода, один туалет и один умывальник на несколько тысяч человек. Спят они все вповалку, мужчины и женщины. Женщинам и детям часто бреют головы. Сбежать почти невозможно. Люди заклеены бритыми головами, а многие и еврейской внешностью.

Если уж в Голландии так ужасно, каково же им будет в далеких и варварских краях, куда их ссылают? Мы предполагаем, что большинство убивают. Английское радио говорит об отравлении газом, может быть, это самый быстрый способ умерщвления.

Я совершенно растеряна. Мип рассказывает все эти жуткие случаи так захватывающе, и она сама тоже в страшном волнении. Недавно, например, одна старая, парализованная еврейка сидела у ее двери и должна была ждать гестаповцев, которые поехали за машиной, чтобы ее увезти. Бедная старушка была так напугана громкой стрельбой по пролетающим английским самолетам и пронзительными вспышками прожекторов. Все же Мип не посмела впустить ее в дом, этого никто бы не сделал. Господа немцы не скупятся на наказания.

Беп тоже притихла. Ее друг должен отправиться в Германию. Она каждый раз боится, что самолеты, которые пролетают над нашими домами, сбросят бомбы, которые зачастую весят не меньше миллиона кило, на голову Бертусу. Шутки вроде «Весь миллион на него не свалится!» или «Одной бомбы тоже хватит!» мне кажутся здесь не очень к месту. Бертус, безусловно, не единственный, кого отправляют, каждый день переполненные поезда увозят молодых людей. По пути, если поезд останавливается на какой-нибудь маленькой станции, они иногда тайком выбирают из вагона и пытаются спрятаться. Может быть, очень немногим это и удастся.

Моя жалобная песня еще не кончена. Ты слышала когда-нибудь о заложниках? Они это применяют теперь в качестве нового наказания для тех, кто борется против немцев. Это самое жуткое, что ты можешь себе представить. Ни в чем не повинных уважаемых граждан сажают в тюрьму, чтобы они там ждали своей смерти. Если случается саботаж и виновного не находят, то гестапо просто-напросто ставит к стенке человек пять заложников. Часто сообщения о смерти этих людей печатают в газете. «Роковой несчастный случай» – так именуют это преступление.

Прекрасный народ эти немцы, и, по сути дела, я тоже принадлежу к этому народу! Но нет, Гитлер нас уже давно лишил гражданства. И кстати, в мире нет большей вражды, чем между немцами и евреями.

Твоя Анна

СРЕДА, 14 ОКТЯБРЯ 1942 г.

Дорогая Китти!

У меня страшно много дел. Вчера я сначала перевела главу из «La belle Nivernaise»[8 - «Прекрасная Нивернезка» (фр.) - повесть А. Доде.] и выписала слова. Потом решила гадкую задачу, а потом перевела еще три страницы из французской грамматики. Сегодня французская грамматика и история. Я даже и не думаю каждый день решать эти гадкие задачи. Папа их тоже терпеть не может, у меня получается чуть ли не лучше, чем у него. Но на самом деле у нас у обоих не выходит, так что мы каждый раз должны призывать Марго. Я так много занимаюсь стенографией, мне это ужасно нравится. Я лучшая из нас троих.

Я прочитала «Стормерс». Это здорово, но далеко не дотягивает до «Йооп тер Хейл». Кстати, большей частью встречаются те же слова, но это естественно у той же писательницы. Сисси ван Марксфелдт пишет потрясающе. Я уж точно дам ее почитать и моим детям.

Кроме того, я прочла множество пьесок Кёрнера. Мне нравится, как он пишет. Например, «Хедвиг», «Кузен из Бремена», «Гувернантка», «Зеленое домино» и другие. Мама, Марго и я снова лучшие друзья, так все же намного приятнее. Вчера вечером мы с Марго вместе лежали в моей постели, было безумно тесно, но именно поэтому забавно. Она спросила, нельзя ли ей почитать мой дневник.

- Некоторые места - да, - сказала я и спросила насчет ее дневника. Мне тоже разрешено его почитать.

Так разговор зашел о будущем, и я спросила ее, кем она хочет стать. Но она не пожелала рассказать об этом, она делает из этого большую тайну. Я слышала краем уха - что-то в области преподавания. Я, конечно, не знаю, точно ли это, но догадываюсь, что в том направлении. Вообще-то мне не надо быть такой любопытной.

Сегодня утром я лежала на кровати Петера, после того как согнала его. Он был зол на меня, но это меня меньше всего волнует. Он мог бы быть со мной более дружелюбным, я ведь вчера вечером дала ему яблоко.

Один раз я спросила Марго, считает ли она меня ужасно уродливой. Она сказала, что я забавно выгляжу и что у меня красивые глаза. Вполне туманно, ты не находишь? Ну, до следующего раза!

Анна Франк

P.S. Сегодня утром мы все снова взвешивались. Марго весит теперь 120 фунтов, мама – 124, папа – 141, Анна – 87, Петер – 134, мефрау Ван Даан – 106, менеер Ван Даан – 150. За три месяца, что я тут, я поправилась на 17 фунтов. Ужасно много, а?!

ВТОРНИК, 20 ОКТЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

У меня до сих пор дрожит рука, хотя прошло уже два часа с тех пор, как мы пережили шок. Тебе следует знать, что у нас в доме есть пять огнетушителей «Минимакс». Из-за того, что они внизу такие умники, никто нас не предупредил, когда плотник, или как там еще называют такого типа, заряжал аппараты. И мы поэтому вели себя совсем не осторожно, пока я на площадке с внешней стороны (напротив нашей двери-шкафа) не услышала стук молотка. Я тут же подумала, что это плотник, предупредила Беп, которая в это время обедала, что ей нельзя вниз. Мы с папой заняли пост у дверей, чтобы услышать, когда этот человек уйдет. Поработав с четверть часа, он там снаружи (так нам показалось!) положил свой молоток и другие инструменты на наш шкаф и постучал в нашу дверь. Мы похолодели. Значит, он все-таки что-то услышал и хочет теперь исследовать эту таинственную громаду? Похоже было на то; постукивание, рывки, толчки туда-сюда продолжались.

Я чуть не упала в обморок от страха, что этому совершенно постороннему человеку удастся обнаружить наш прекрасный тайник. И только я подумала, что все, со мной покончено, как мы услышали голос менеера Клеймана: «Откройте же, это я!»

Мы сразу открыли. Что произошло? Крючок, на котором держится подвижной шкаф, застрял, и поэтому никто не мог предупредить нас о плотнике. Тот спустился вниз, и Клейман хотел забрать Беп, но снова не смог открыть дверь. Могу сказать тебе, что я вздохнула с немалым облегчением. Этот человек, о котором я думала, что он хочет к нам попасть, принимал в моем воображении все большие размеры. В конце концов он стал похож на великана и был самым ужасным фашистом из всех существующих. Фу, к счастью, на этот раз все очень хорошо обошлось.

В понедельник было здорово. Мип и Ян ночевали у нас. Мы с Марго легли на одну ночь спать к папе с мамой, чтобы супружеская пара Хис могла занять наше место. Почетное меню было великолепно. Небольшой помехой оказалось то, что в папиной лампе произошло короткое замыкание, и мы вдруг очутились в темноте. Что делать? Электрические пробки в доме были, но вворачивать пробки надо в самом конце темного склада, и вечером это сомнительное удовольствие. Все же господа на это отважились, и через десять минут иллюминацию из свечек можно было убрать.

Сегодня утром я встала рано. Ян был уже одет. Ему надо было уходить в половине девятого, поэтому он уже в восемь сидел наверху за завтраком. Мип одевалась и была еще в нижней сорочке, когда я вошла. У Мип такие же шерстяные штанишки, как и у меня для велосипеда. Марго и я тоже пошли одеваться, и наверх мы поднялись намного раньше, чем обычно. За завтраком было весело, а потом Мип спустилась вниз. Лило как из ведра, и она радовалась, что ей теперь не надо ехать в контору на велосипеде. Мы с папочкой пошли застилать постели, а потом я выучила пять французских неправильных глаголов. Какое усердие, а?!

Марго и Петер сидели в нашей комнате и читали, а Муши сидела на диване у Марго. После моих французских неправильностей я тоже села с ними вместе и читала «И вечно поют леса». Это очень красивая, но ужасно необычная книга, я уже почти дочитала ее.

На следующей неделе Беп тоже останется у нас ночевать.

Твоя Анна

ЧЕТВЕРГ, 29 ОКТЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Я очень беспокоюсь, папа заболел. У него высокая температура и красная сыпь, похоже, это корь. Представляешь, мы даже доктора вызвать не можем! Мама заставляет его сильно потеть. Может быть, это собьет температуру. Сегодня утром Мип рассказала, что из квартиры Ван Даанов на Зейдер-Амстеллаан вынесли всю мебель. Мы еще не рассказали меффрау, она в последнее время и так уже «нервничает», и у нас нет никакого желания выслушивать еще одну жалобную песнь о ее прекрасном сервизе и шикарных стульчиках, которые остались в квартире. Нам тоже пришлось оставить дома почти все красивое, что толку сейчас в этих жалобах?

Папа хочет, чтоб я теперь начала читать еще и книги Хеббеля и других известных немецких писателей. Читать по-немецки теперь уже относительно легко. Только я обычно шепчу, вместо того чтобы читать про себя. Но это пройдет. Папа достал из большого книжного шкафа драмы Гёте и Шиллера, он хочет мне каждый вечер что-нибудь читать вслух. Мы уже начали «Дон Карлоса». Чтобы последовать хорошему примеру папы, мама сунула мне в руки свой молитвенник. Я из приличия прочитала кое-какие молитвы по-немецки. Мне они кажутся красивыми, но это меня не так интересует. Зачем только она заставляет меня быть такой набожной и религиозной?

Завтра в первый раз затопят печь. Наверно, мы будем сидеть в ужасном дыму, трубу давным-давно не прочищали. Будем надеяться, что в трубе будет тяга!

Твоя Анна

ПОНЕДЕЛЬНИК, 2 НОЯБРЯ 1942 г.

Дорогая Китти!

В пятницу вечером у нас была Беп. Было вполне мило, но она плохо спала, потому что выпила вина. Больше ничего особенного. Вчера у меня ужасно болела голова и я рано пошла спать. Марго меня опять раздражает.

Сегодня утром я начала сортировать ящичек с конторской картотекой, потому что его опрокинули и все было в таком беспорядке! Я скоро чуть было с ума не сошла и спросила Марго и Петера, не хотят ли они мне помочь. Но эти двое оказались слишком ленивы. Так что я все снова убрала обратно. Я не идиотка, чтоб это делать одной!

Анна Франк

P.S. Я еще забыла сообщить тебе важную новость, что у меня, наверное, скоро начнутся месячные. Я так думаю, потому что у меня в трусах все время остается какая-то липкая штука и мама это предсказывает. Я просто жду не дождусь. Мне это кажется таким важным, только жаль, что я не смогу пользоваться дамскими прокладками, ведь их теперь не достать, а этими мамиными затычками могут пользоваться только рожавшие женщины.

22 ЯНВАРЯ 1944 г. (ДОБАВЛЕНИЕ)

Теперь я бы такого написать не смогла. Сейчас, когда я полтора года спустя перечитываю мой дневник, я ужасно удивляюсь, что я когда-то была таким невинным подростком. Я понимаю, что, как бы сильно я того ни хотела, но такой я уже больше никогда не стану. Свои выходки, высказывания о Марго, маме и папе я понимаю так хорошо, как если б написала об этом вчера. Но то, что я так, без стеснения, написала о других вещах, не могу себе даже вообразить. Я в самом деле стыжусь, когда читаю те страницы, где идет речь о предметах, которые я хотела бы представить себе куда красивее. Я их так некрасиво описала. Ну да ладно, хватит об этом.

Что я тоже отлично понимаю, так это тоску по дому и по Моортъе. Часто сознательно, но еще чаще бессознательно все это время, что я здесь была и есть, я тосковала по любви и ласке. Эта тоска иногда сильнее, а иногда слабее, но она есть всегда.

ЧЕТВЕРГ, 5 НОЯБРЯ 1942 г.

Дорогая Китти!

Наконец-то у англичан несколько удач в Африке, и Сталинград все еще не сдался, так что господа ужасно веселы и сегодня утром у нас был кофе и чай. Больше ничего особенного.

Я на неделе много читала и мало работала. Так и надо в этом мире, и уж наверняка и так можно продвинуться вперед.

В последнее время наши отношения с мамой стали лучше, но мы никогда не бываем откровенны. Папа прячет в душе что-то, чего он не хочет показывать. Все же он, как всегда, ужасно мил. Несколько дней топится печь и вся комната в дыму. Я все-таки намного больше люблю центральное отопление, и, наверно, я в этом не исключение. Марго я не могу назвать иначе, как дрянью, и она меня ужасно раздражает день и ночь.

Анна Франк

ПОНЕДЕЛЬНИК, 9 НОЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Вчера у Петера был день рождения, ему исполнилось шестнадцать. В восемь часов я уже пошла наверх, и мы вместе с Петером разглядывали подарки. Он получил кроме всего прочего настольную биржевую игру, бритву и зажигалку, не потому, что он так много курит, вовсе нет, а потому, что это шикарно!

Самый большой сюрприз приготовил менеер Ван Даан, сообщив в час дня, что англичане высадились в Тунисе, Алжире, Касабланке и Оране.

«Это начало конца», – сказали все, но Черчилль, английский премьер-министр, который, наверно, слышал такой же возглас и у себя в Англии, сказал: «Эта высадка чрезвычайно важна, но пусть не думают, что это начало конца. Скорее, я бы сказал, конец начала». Чувствуешь разницу? Но все же есть основания для оптимизма. Сталинград, город в России, который защищается уже три месяца, все еще не сдался немцам.

Чтобы вести рассказ в духе нашего Убежища, надо хоть раз написать о том, как нас снабжают продуктами. (Да будет тебе известно, что наше верхнее отделение – настоящие чревоугодники!)

Хлеб нам поставляет очень славный булочник, знакомый Клеймана. Конечно, мы получаем меньше, чем дома, но достаточно. Продовольственные карточки нам тоже покупают на черном рынке. Цены на них растут непрерывно, то, что стоило 27 гульденов, стоит теперь уже 33. И это всего лишь за клочок бумажки, на котором что-то напечатано!

Чтобы в доме был непортящийся запас, кроме наших ста консервных банок, мы купили 270 фунтов бобовых. Это рассчитано не только на нас, но и на контору. Мешки с бобами висели на крючках в нашем коридорчике с внутренней стороны подвижного шкафа. От тяжести на мешках кое-где разошлись швы. Поэтому мы решили перенести зимний запас на чердак и доверили Петеру перетащить мешки. Пять из шести мешков уже благополучно очутились наверху, и Петер взялся было за шестой, как вдруг нижний шов распоролся и ливень, нет, град бобов обрушился на лестницу. В мешке было примерно 50 фунтов, так что грохот был, как на Страшном суде. Внизу, наверно, подумали, что старый дом со всем его содержимым валится им на голову. Петер сперва перепугался, но тут же стал оглушительно хохотать, когда увидел меня, стоящую на нижней ступеньке, словно островок среди бобовых волн, это коричневое добро окружило меня по щиколотку. Мы сразу принялись собирать бобы, но они такие скользкие и мелкие, что забиваются во все возможные и невозможные уголки и дырочки. Теперь каждый раз, когда кто-нибудь поднимается по лестнице, он непременно наклоняется, чтобы сдать мефрау Ван Даан горсть бобов.

Чуть не забыла сообщить, что папа выздоровел.

Твоя Анна

P.S. Только что было сообщение по радио, что Алжир взят. Марокко, Касабланка и Оран уже несколько дней в руках англичан. Дело только за Тунисом.

ВТОРНИК, 10 НОЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Великолепная новость, мы хотим принять восьмого в наше Убежище!

Да, так и есть, мы всегда считали, что тут вполне найдутся место и еда для восьмого. Мы только боялись, как бы не обременить еще больше Кюглера и Клеймана. Но так как ужасные вопиющие новости извне в отношении евреев становились все ужаснее, папа посоветовался с этими двумя авторитетными людьми, и они сказали, что план превосходный. «Опасность для семерых так же велика, как и для восьмерых», – сказали они и были вполне правы. Когда с этим было улажено, мы стали перебирать в памяти наших знакомых, чтобы найти какого-нибудь одинокого человека, который хорошо вписался бы в наше семейство нелегалов. Вычислить такого человека оказалось нетрудно. После того как папа отверг всех родственников Ван Даанов, наш выбор пал на зубного врача по имени Альфред Дюссел. Он живет с одной милой женщиной – христианкой, намного моложе его, с которой он, скорее всего, не расписан, но это не важно. Его знают как спокойного и образованного человека, и, судя по поверхностному знакомству, он показался и нам, и Ван Даанам симпатичным человеком. Мип тоже с ним знакома, так что может привести в исполнение план укрытия. Когда Дюссел придет, он будет спать в моей комнате вместо Марго, которая в качестве ложа получит раскладушку[9 - После прихода Дюссела Марго должна была спать в комнате родителей.]. Мы попросим его что-нибудь принести с собой, чтобы запломбировать пещеры в наших зубах.

Твоя Анна

ЧЕТВЕРГ, 12 НОЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Приходила Мип и рассказала нам, что она была у доктора Дюссела. Дюссел спросил Мип напрямую, как только она вошла в комнату, не знает ли она случайно для него места, где бы укрыться. Он был просто счастлив, когда Мип ему рассказала, что кое-что есть и что он как можно скорее должен туда отправиться, лучше всего уже в субботу. Это показалось ему несколько

трудноватым, ему надо было еще привести в порядок картотеку, принять двух пациентов и закончить все расчеты. Сегодня утром Мип нам об этом сообщила. Мы считали, что лучше так долго не затягивать. Вся эта подготовка только потребует объяснений с разными людьми, которым лучше ничего не знать. Мип спросила, нельзя ли так все устроить, чтобы отправиться в субботу. Дюссел сказал, что это невозможно, и придет теперь в понедельник.

Мне кажется странным, что он сразу не ухватился за предложение. Если его заберут на улице, он не сможет ни картотеку привести в порядок, ни помочь пациентам. К чему тогда откладывать? Я лично считаю глупым, что папа ему уступил.

Других новостей нет.

Твоя Анна

ВТОРНИК, 17 НОЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Дюссел прибыл. Все сошло благополучно. В одиннадцать утра, сказала ему Мип, он должен стоять в условленном месте перед почтой, там его заберет с собой некий господин. Дюссел стоял там, где договорились, точно вовремя. Менеер Клейман подошел к нему и сказал, что тот упомянутый господин прийти пока не смог и не хочет ли он пройти на минутку в контору к Мип. Клейман сел в трамвай, поехал обратно в контору, а Дюссел пошел пешком той же дорогой.

В двадцать минут двенадцатого Дюссел постучался в дверь конторы. Мип предложила ему снять пальто, чтобы не увидели желтую звезду, и провела его в директорский кабинет, где его занимал Клейман, пока не ушла уборщица. Под предлогом, что контора не свободна, Мип поднялась с Дюсселом наверх, открыла подвижной шкаф, и перед его ошалевшими глазами ступила вовнутрь.

Мы всемером сидели наверху за столом, встречая нового жильца коньяком и кофе. Сначала Мип привела его в нашу комнату. Он сразу узнал нашу мебель, но ему и в голову не пришло, что мы находимся над ним. Когда Мип ему об этом сказала, он чуть в обморок не упал от удивления. Но к счастью, Мип не дала ему

опомниться и привела его наверх. Дюссел плюхнулся на стул и смотрел на нас всех, не в состоянии выговорить ни слова, будто желая вначале прочитать правду на наших лицах. Потом он начал, заикаясь: «Но... aber, sind u dan nicht in Belgi?? Ist der Milit?r nicht gekomen? Das Auto? Die Vlucht ist sie nicht gelukt?»[10 - ...Но, разве вы не в Бельгии? Значит, офицер не приехал? А машина? Бегство сорвалось?.. (ломаный нем.)]

Мы ему рассказали, как все было, что мы сами нарочно распространили эти слухи насчет офицера и машины, чтобы людей, а также немцев, которые, возможно, станут нас искать, направить на ложный путь. Дюссел онемел от такой изобретательности, и ему не осталось ничего другого, как только удивленно осматриваться по сторонам, когда он обнюхивал наш сверхпрактичный и прекрасный Задний Домик. Мы вместе поели, потом он немного поспал, потом выпил с нами чаю и разложил свои мелкие пожитки, которые еще раньше принесла Мип, и уже чувствовал себя вполне как дома. Особенно после того, как получил в руки следующие отпечатанные правила распорядка для скрывающихся в Заднем Доме (сочиненные Ван Дааном).

Проспект и путеводитель

по Убежищу, специально учрежденному для временного пребывания евреев и им подобных.

Открыто круглый год. Красивая, тихая, лесистая местность в самом центре Амстердама. Никаких коммуналок. Проезд трамваем 13 и 17, а также на машинах и велосипедах. В определенных случаях, если немецкие власти запрещают пользоваться этими средствами передвижения, то пешком. Меблированные и немеблированные квартиры и комнаты всегда имеются в распоряжении, с пансионом и без него.

Квартирная плата. Бесплатно.

Диета. Обезжиренная.

Проточная вода. В ванной комнате (к сожалению, без ванны), а также на различных внутренних и внешних стенах. Великолепные места для топки.

Просторные помещения для хранения всякого имущества. Два больших современных несгораемых шкафа.

Собственная радиостанция. Прямая трансляция из Лондона, Нью-Йорка, Тель-Авива и многих других городов. К услугам всех жильцов начиная с шести часов вечера, при этом нет никаких запрещенных радиоканалов, если не считать того, что немецкие станции можно слушать только в порядке исключения, например классическую музыку и тому подобное. Строго запрещается слушать немецкие новости (независимо от того, откуда они передаются) и распространять их.

Часы отдыха. С 10 часов вечера до 7.30 утра, в воскресенье – до 10.15 утра. В зависимости от обстоятельств часы отдыха могут быть назначены и среди дня, по распоряжению дирекции. Часы отдыха соблюдаются строжайшим образом в целях общей безопасности!!!

Каникулы. Вне этого дома пока отменяются.

Применение языка. В любое время суток необходимо говорить тихо. Разрешены все культурные языки, значит, не немецкий.

Чтение и развлечения. Запрещается читать немецкие книги, за исключением научных и классических, все остальное – по желанию.

Гимнастика. Ежедневно.

Пение. Исключительно тихо и после 6 часов вечера.

Фильмы. По согласованию с остальными.

Занятия. Стенография – каждую неделю письменный урок. Английский, французский, математика и история в любое время дня. Оплата ответными уроками, например уроком голландского.

Специальное отделение для мелких домашних животных с хорошим присмотром (за исключением паразитов, для которых необходимо специальное разрешение).

Часы принятия пищи. Завтрак. Ежедневно, за исключением воскресных и праздничных дней, в 9 часов утра, по воскресеньям и праздникам примерно в 11.30.

Обед. Довольно обильный. С 13.15 до 13.45.

Ужин. Холодный и (или) горячий в разное время, в зависимости от передачи последних известий.

Обязательства по отношению к отряду продовольственного снабжения. Постоянная готовность помочь им в конторской работе.

Купание. В воскресенье начиная с 9 часов в распоряжении всех жильцов имеется таз. Купаться можно в уборной, на кухне, в директорском кабинете, в передней конторе – по выбору.

Крепкие напитки разрешаются только по назначению врача.

Конец.

Твоя Анна

ЧЕТВЕРГ, 19 НОЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Как мы и ожидали, Дюссел оказался очень славным человеком. Он, конечно, согласился жить со мной в одной комнате. Честно говоря, мне не очень приятно, что посторонний человек пользуется всем в моей комнате, но ради доброго дела можно и потерпеть, и я с удовольствием приношу эту маленькую жертву. «Если мы только можем спасти кого-нибудь из наших знакомых, остальное не имеет значения», – сказал папа, и он совершенно прав.

В первый же день Дюссел подробно расспросил меня о разных вещах, например: когда приходит уборщица, когда мы умываемся, когда можно пользоваться уборной. Ты будешь смеяться, но когда находишься на нелегальном положении,

то все это не так просто. Днем мы не должны шуметь, чтобы внизу нас не услышали, а если есть кто-то посторонний, как, например, уборщица, то мы все должны быть особенно осторожны. Я все подробно объясняла Дюсселу, но одно меня при этом удивило: как туго он соображает. Он все переспрашивает по два раза, да и тогда еще плохо запоминает. Может быть, это пройдет, он просто еще не опомнился от удивления. В остальном все в порядке.

Дюссел много рассказывал нам о внешнем мире, которого мы уже так давно лишены. Все, что он знал, было прискорбно. Множество друзей и знакомых пропали, их ждет страшный конец. Каждый вечер по улицам ползут зеленые или серые военные машины. Звонят во все двери и спрашивают, живут ли там евреи. Если да, то тут же забирают всю семью, если нет, едут дальше. Никто не может избежать своей судьбы, если не скроется. Часто ходят со списками и звонят только туда, где, как им известно, их ждет богатая добыча. Им нередко платят деньги, сколько-то за душу. Это похоже на охоту за рабами в старое время. Но это никакая не шутка, для шутки это слишком драматично. По вечерам в темноте я вижу ряды хороших, ни в чем не повинных людей, они идут, с плачущими детьми, все идут и идут, ими командуют несколько эдаких типов, их бьют, мучают до того, что они валяются с ног. Никому нет пощады. Старики, дети, младенцы, беременные женщины, больные, все, все идут вместе на смерть.

Как хорошо нам тут, как хорошо и спокойно. Нас не касался бы весь этот ужас, если бы мы только не боялись за всех, кто нам так дорог и кому мы уже не можем помочь. Мне стыдно оттого, что я лежу в теплой постели, в то время как мои самые любимые подруги где-то там упали на землю или их сбили с ног. Мне самой становится жутко, когда я думаю обо всех, с кем я чувствовала себя всегда связанной так тесно и кто теперь отдан в руки самых свирепых палачей, каких еще не бывало на свете. И все это потому, что они евреи.

Твоя Анна

ПЯТНИЦА, 20 НОЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Мы все не знаем толком, как нам быть. До сих пор к нам доходило мало сведений о судьбе евреев и нам казалось – лучше быть как можно более бодрыми. Когда

Мип иногда проговаривалась об ужасной участи кого-то из знакомых, мама и мефрау Ван Даан начинали каждый раз плакать, так что Мип решила, что лучше больше ничего не рассказывать. Но Дюссела тут же засыпали вопросами, и истории, которые он рассказал, были настолько жуткие и варварские, что невозможно их впустить в одно ухо и через другое выпустить. Все же, когда эти новости немного потускнеют, мы снова будем смеяться и друг друга поддразнивать. Ни нам, ни им там не будет пользы, если мы останемся такими угрюмыми, как сейчас. И какой смысл превращать Задний Дом в Меланхолическое Убежище?

Что бы я ни делала, я невольно думаю о тех, кто пропал. Стоит мне над чем-нибудь рассмеяться, как я в ужасе спохватываюсь и говорю сама себе: это позор, что я так веселюсь. Но разве я должна весь день плакать? Нет, не могу я так, и эта угрюмость, наверно, пройдет.

К этим грустным делам у меня еще прибавилась одна проблема личного характера; правда, по сравнению с огромным несчастьем, о котором я только что писала, она кажется мелочью. Все же не могу тебе не рассказать, что в последнее время я чувствую себя такой покинутой, какая-то большая пустота вокруг меня. Раньше я об этом никогда особенно не задумывалась, и развлечения, подруги занимали все мои мысли. Теперь я думаю либо о несчастьях, либо о себе самой. И я наконец пришла к открытию, что папа, какой бы он ни был милый, все же не может заменить мне весь мой прежний мир. Мама и Марго уже давно не занимают места в моей душе.

Но зачем надоедать тебе всеми этими глупостями, я ужасно неблагодарная, Китти, я это знаю, но часто у меня голова идет кругом, когда слишком много сыплется на меня и потом еще надо думать обо всех других кошмарах!

Твоя Анна

СУББОТА, 28 НОЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Мы жгли слишком много света и перерасходовали лимит на электричество. Следствие: чрезмерная экономия и в перспективе отключение тока.

Четырнадцать дней без света, приятно, а? Но кто знает, может, еще обойдется! С четырех или половины пятого слишком темно, чтобы читать. Как только мы не коротаем время: загадываем загадки, делаем в темноте гимнастику, разговариваем по-английски или по-французски, обсуждаем книги, – в конце концов все надоедает. Со вчерашнего вечера я нашла кое-что новое: подсматривать в мощный бинокль в освещенные окна соседей за нашим домом. Днем нам нельзя раздвигать занавески ни на сантиметр, но когда темно, то не так опасно.

Я никогда раньше не предполагала, что соседи могут быть такими интересными людьми, по крайней мере наши. Некоторых я застала за ужином, одна семья как раз смотрела фильм, а зубной врач напротив лечил старую боязливую даму.

Менеер Дюссел, человек, про которого всегда говорили, что он замечательно умеет обращаться с детьми и очень их любит, оказался совершенно ветхозаветным воспитателем и вечно читает длинные проповеди насчет хороших манер. Так как я имею редкое счастье (!) делить мою, к сожалению, ужасно тесную комнату с высокопоставленным-благовоспитанным господином, и так как я, по всеобщему мнению, считаю себя самой невоспитанной из трех молодых людей, то мне достаточно трудно избежать непрерывных старческих попреков и наставлений и притворяться глухой. Но это бы еще ничего, не будь он таким великим ябедой и вдобавок не найди адресата для своих жалоб в лице мамы! Только я получу от него порцию, как мама, считая, что этого недостаточно, добавит еще, а если мне особенно везет, через пять минут меня призывает к ответу мефрау и я получаю на десерт!

На самом деле, не думай, что это просто – быть средоточием невоспитанности нашего придирчивого семейства нелегалов.

Вечером в постели, когда я думаю о многочисленных грехах и проступках, которые мне приписывают, я так запутываюсь в огромном количестве вещей, которые мне надо передумать, что начинаю смеяться или плакать, смотря по настроению. И я засыпаю, совсем запутавшись: я хочу быть не такой, какая я есть, или быть не такой, какой я хочу быть, или, возможно, и поступать не так, как я хочу или как я поступаю.

О Боже мой, теперь я еще и тебя запутала, прости меня, но я не люблю зачеркивать, а выбрасывать бумагу во времена ее большой нехватки нельзя. Так что могу тебе только посоветовать: не перечитывай вышестоящее

предложение еще раз и, уж во всяком случае, не углубляйся в него, так как все равно не разберешься!

Твоя Анна

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 ДЕКАБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

В этом году Ханука[11 - Еврейский праздник.] и День святого Николая[12 - 5 декабря, в этот день обмениваются подарками и стихами.] почти совпали, разница всего в один день. Ко дню Хануки мы не очень хлопотали, обменялись кое-какими милыми вещичками, и потом – свечи. Зажгли их всего на десять минут, так как свечей не хватает, но, если при этом спеть, – уже неплохо. Менеер Ван Даан смастерил деревянный подсвечник, так что и с этим было в порядке.

День святого Николая, в субботу, был гораздо лучше! Нам было очень любопытно, о чем Беп и Мип все время за едой шептались с папой, мы подозревали, что они что-то затевают. И правда, в восемь часов мы все спустились по деревянной лестнице в крошечной тьме коридора (мне было жутко, и я бы лучше осталась наверху в безопасности!) в проходную комнатку. Так как в этой комнатке нет окон, то можно было зажечь свет. Когда свет зажгли, папа открыл большой шкаф.

«Ах, как здорово!» – закричали все.

В углу стояла большая корзина, убранная праздничной бумагой, наверху была прикреплена маска Черного Пита[13 - Негр, помощник святого Николая.]. Мы тут же взяли корзину наверх. Для каждого был милый подарочек с подходящим стишком. Ты сама, конечно, знаешь, что за стихи пишут на День святого Николая, и я их тебе писать не буду.

Я получила пряничную куклу, папа – подставки для книг и т. д. и т. п. В любом случае все было здорово придумано, и так как мы, все восемь человек, еще ни разу в нашей жизни не отмечали День святого Николая, то эта премьера пришлось к месту.

Твоя Анна

P.S. Для «нижних» у нас, конечно, тоже было кое-что, оставшееся еще от старых добрых времен, кроме того, для Мип и Беп деньги никогда не лишние.

Сегодня мы узнали, что пепельницу для менеера Ван Даана, рамку для Дюссела и папины подставки для книг сделал менеер Фоскёйл сам. Для меня загадка, как можно своими руками делать такие художественные вещи!

ЧЕТВЕРГ, 10 ДЕКАБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Менеер Ван Даан раньше занимался торговлей колбасными и мясными изделиями и специями. Его пригласили в фирму как специалиста по специям, а теперь он проявляет себя с «колбасной» стороны, против чего мы не возражаем.

Мы заказали много мяса (конечно, на черном рынке), чтобы законсервировать на случай, если для нас наступят трудные времена. Он хотел приготовить колбасу для жарения, хелдерскую и свиную колбасу. Очень занятно было смотреть, как он сначала пропускает куски мяса через мясорубку, два-три раза, потом мясной фарш смешивает со всем необходимым и, наконец, через маленькую воронку наполняет этой массой кишки. Уже за обедом мы ели жареную колбасу с кислой капустой, но хелдерскую, которая предназначалась для консервирования, надо было сначала хорошенько просушить, поэтому ее подвесили на палке на двух веревочках под потолком. Каждый, кто входил в комнату и видел выставленные напоказ колбасы, начинал хохотать. Вид и впрямь был препотешный.

В комнате был чудовищный беспорядок. Мясистый менеер Ван Даан в фартуке меффрау возился с мясом, он казался гораздо толще, чем на самом деле. Он был похож на настоящего мясника – руки в крови, лицо красное, забрызганный фартук. Меффрау занималась всем сразу: учила голландский по книге, мешала суп, смотрела за мясом, вздыхала и жаловалась на свое сломанное верхнее

ребро. Вот что случается, когда пожилые дамы (!) делают такие преидиотские гимнастические упражнения, чтобы согнать жир с толстого зада!

У Дюссела воспалился глаз, он сидел у печки и прикладывал примочки с ромашковым отваром. Пим сидел на стуле, освещенный тонким лучом солнца, который струился из окна, и корчился. Наверняка у него опять были ревматические боли, потому что он как-то весь согнулся и с раздраженным видом следил за работой менеера Ван Даана. Он был точь-в-точь похож на эдакого старичка-инвалида из богоугодного заведения. Петер носился по комнате с кошкой Муши, мама, Марго и я чистили вареную картошку. Но, честно говоря, все мы выполняли свою работу кое-как, потому что смотрели на Ван Даана.

Дюссел открыл зубоврачебную практику. Шутки ради я тебе расскажу, как прошел первый прием.

Мама гладила белье, и мефрау, которой выпало стать первой, села на стул посреди комнаты. Дюссел начал важно доставать из своей коробочки инструменты, попросил одеколону для дезинфекции и вазелину вместо воска. Он заглянул в рот мефрау, коснулся ее переднего зуба, потом коренного, причем мефрау каждый раз сжималась, как будто изнывала от боли, в то же время испуская нечленораздельные звуки. После длительного обследования (по крайней мере, для мефрау, на самом деле это длилось не более двух минут) Дюссел начал было выскребать ей дупло. Но куда там, что ты, об этом и думать было нечего! Мефрау дико отбивалась руками и ногами, так что Дюссел в какой-то момент выпустил из рук крючок и... он застрял в зубе у мефрау. Тут и впрямь началось не поймешь что! Мефрау металась, плакала (насколько это возможно с инструментом во рту), пробовала вытащить крючок изо рта и тем самым еще глубже всаживала его в зуб. Дюссел стоял перед ней совершенно спокойно, уперев руки в боки, и смотрел на этот спектакль. Все остальные зрители хохотали до изнеможения. Это, конечно, было низко, ведь я знаю точно, что я бы орала еще в сто раз громче. После бесконечного верчения, рывков, криков и призывов мефрау наконец вытащила крючок, и менеер Дюссел как ни в чем не бывало продолжил свою работу. Он делал все так быстро, что мефрау не успела больше ничего выкинуть, но у него никогда в жизни не бывало столько помощников. Два ассистента – это немало, менеер и я помогали хорошо. Сцена была похожа на картинку времен Средневековья под названием «Шарлатан за работой». Между тем терпение пациентки лопнуло, ей нужно было смотреть за «ее» супом и за «ее» обедом. Одно точно: к зубному врачу

мефрау обратится не так скоро!

Твоя Анна

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 13 ДЕКАБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Удобно сижу у окна в передней конторе и наблюдаю в щелку между толстыми занавесями, что делается на улице. Здесь уже сумерки, но света еще достаточно, чтобы тебе писать.

Очень странно смотреть, как люди ходят по улице, кажется, они все ужасно торопятся куда-то и чуть не спотыкаются о собственные ноги. Велосипедисты, ну, за их темпом вовсе не уследить, я даже не могу различить, что за тип сидит на драндулете. Люди в этом районе выглядят не особенно привлекательно, особенно дети такие грязные, что их противно было бы взять даже щипцами, настоящие дети задворок, с сопливыми носами, и говорят они на таком языке, что я почти ничего не понимаю.

Вчера днем мы здесь с Марго купались, и я сказала: «Если бы переловить на удочку одного за другим ребятишек, что тут проходят, посадить их в ванну, перестирать их белье и починить, потом снова их отпустить, то тогда...»

На это Марго ответила: «Они бы назавтра выглядели такими же грязными и оборванными, как и прежде».

Но что я болтаю, за окном еще много интересного: машины, баржи, дождь. Я слышу трамвай, детей, и мне хорошо.

Наши мысли так же однообразны, как мы сами. Все время вертятся как карусель: от евреев – к еде, от еды – к политике. Кстати, о евреях; вчера через занавеску я видела, будто это какое-то чудо света, двух евреев. Такое странное чувство: как будто я предала этих людей и теперь подглядываю за их несчастьем.

Прямо напротив дома, на воде, причалена жилая баржа, на ней живет какой-то человек с женой и детьми. У этого мужчины есть маленькая брехливая

собачонка. Собачонку мы знаем только по лаю и по ее хвостику, что нам виден, когда она ходит по желобу баржи.

Фу, пошел дождь, и почти все люди спрятались под зонтиками, мне не видно ничего, кроме дождевиков, а иногда затылки под шапками. Но мне и не надо больше ничего видеть, мало-помалу женщины эти стали мне знакомы до мелочей, раздутые от картофеля, в зеленых или красных пальто, на сбитых каблуках, с сумками в руках, со злобными либо с добродушными лицами, в зависимости от настроения их мужей.

Твоя Анна

ВТОРНИК, 22 ДЕКАБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Убежище с радостью приняло весть, что к Рождеству каждый получит дополнительно четверть фунта масла. В газете, правда, написано полфунта, но это относится только к тем счастливым смертным, которые получают свои продуктовые карточки от государства, а не к скрывающимся евреям, которые из-за дороговизны покупают на черном рынке четыре карточки вместо восьми. Мы, все вместе, испечем что-нибудь на масле. Я сегодня утром испекла печенье и два торта. Здесь наверху очень много народу, и мама запретила мне заниматься или читать, пока все хозяйственные дела не будут закончены. Мефрау Ван Даан лежит со своим ушибленным ребром в постели, целый день жалуется, заставляет беспрестанно делать ей новые перевязки и всем недовольна. Я буду рада, когда она снова встанет на ножки и сама почистит свои перышки, потому что я должна сказать, что она необыкновенно прилежная и чистюля, а когда душа и тело ее в хорошей форме, то и веселая.

Будто я днем недостаточно слышу «тсс, тсс», потому что я всегда «слишком шумлю», так моему господину соседу по комнате пришла идея и по ночам то и дело на меня шикать. По его, выходит, мне нельзя даже повернуться в постели. Я и не подумаю обращать на это внимание и в следующий раз в ответ скажу «тсс».

Он с каждым днем становится все противнее и эгоистичнее. Щедро обещанные им печенья после первой недели я больше не видела. Особенно по воскресеньям он меня бесит тем, что так рано зажигает свет и десять минут делает зарядку.

Мне, измученной бедняжке, кажется, будто это длится часами, так как стулья, с помощью которых удлинена моя кровать, беспрестанно двигаются туда-сюда под моей сонной головой. Закончив упражнения на гибкость несколькими яростными взмахами рук, менеер приступает к туалету. Трусы висят на крючке, значит, сначала туда и снова назад. Галстук лежит на столе, снова, толкаясь и натываясь на стулья, и назад таким же образом.

Но не хватит ли ворчать на старых и противных господ, все равно от этого лучше не станет, и все мои меры отмщения, как, например, вывернуть лампочку, запереть дверь, спрятать одежду, придется (а жаль!) во имя сохранения мира в дальнейшем не предпринимать.

Ах, я становлюсь такой разумной! Тут все надо делать с умом: учиться, слушать, держать язык за зубами, помогать, быть милой, уступать – да мало ли что еще! Боюсь, что мой ум, и так не ахти какой большой, я израсходую слишком быстро и на послевоенное время ничего не останется.

Твоя Анна

СРЕДА, 13 ЯНВАРЯ 1943 г.

Милая Китти!

Сегодня утром мне опять во всем мешали, и поэтому я не могла ничего как следует доделать до конца.

У нас новое занятие, а именно – наполнять пакетики соусом для жарения (в порошке). Этот соус – изделие «Хис и Ко». Менеер Кюглер не может найти работников, к тому же, если это делаем мы, выходит намного дешевле. Работа вроде тех, что дают заключенным, необыкновенно скучная, от нее кружится голова и появляется глупый смех.

Там, на воле, ужасно. Днем и ночью несчастных людей увозят и разрешают взять с собой только рюкзак и немного денег. Но даже и это у них по дороге отнимают. Семьи разлучают, мужчин, женщин, детей отрывают друг от друга. Дети, приходя домой из школы, не застают своих родителей. Женщины, которые делают покупки, находят по возвращении свой дом опечатанным, а семью исчезнувшей. Уже и голландские христиане боятся – их сыновей отсылают в Германию. Боятся все. И каждую ночь сотни самолетов летят над Голландией в немецкие города и взрывают там землю своими бомбами, и каждый час в России и в Африке гибнут сотни, даже тысячи людей. Никто не может остаться в стороне. Весь земной шар воюет, и, хотя у союзников дела идут лучше, конца еще не видно. А нам, нам живется хорошо, да, лучше, чем миллионам других. Мы пока в безопасности и покое и «проедаем наши деньги». Мы так эгоистичны, что говорим о «после войны», радуемся новой одежде и обуви, а на самом деле надо бы экономить каждый цент, чтобы после войны помочь тем, другим людям и спасти то, что еще можно спасти.

Дети тут ходят в одних тонких блузках, в деревянных башмаках, без пальто, без шапок, без чулок, и никто им не помогает. В желудках у них пусто, они жуют морковь, из своих холодных квартир они выходят на холодные улицы, приходят в школу, в еще более холодный класс. Да, даже в Голландии дошло до того, что дети на улице то и дело цепляются за прохожих и просят кусок хлеба. Я бы могла часами рассказывать тебе об ужасах, которые принесла война, но я сама от этого становлюсь еще более подавленной. Нам ничего другого не остается, как только насколько возможно терпеливо ждать, пока придет конец этим несчастьям. Как евреи, так и христиане ждут, весь земной шар ждет, и многие ждут своей смерти.

Твоя Анна

СУББОТА, 30 ЯНВАРЯ 1943 г.

Милая Китти!

Я киплю от бешенства, но не должна это показывать, мне хочется топтать ногами, орать, разочек как следует потрянуть маму, плакать, не знаю, чего бы еще я ей ни сделала за жестокие слова, насмешливые взгляды, обвинения, которыми она меня осыпает, как стрелами из туго натянутого лука, каждый день заново, и эти стрелы так трудно вытащить из моего тела. Мне хочется крикнуть

маме, Марго, Ван Даанам, Дюсселу и папе тоже: «Оставьте меня в покое, дайте мне, в конце концов, одну ночь поспать так, чтобы подушка не становилась мокрой от слез, не резало глаза и голова не трещала. Отпустите меня, я хочу уйти от всех и от всего, лучше всего уйти из мира!» Но я этого не могу, я не могу показать им мое отчаяние, не могу приоткрыть им раны, которые они мне наносят, я не смогла бы вынести их сочувствие и добродушные насмешки, от этого я бы тоже закричала.

Все считают меня жеманной, стоит мне заговорить, смешной, если я молчу, дерзкой, стоит мне ответить, хитрой, если мне в голову придет хорошая идея, ленивой, если я устану, эгоистичной, стоит мне откусить лишний кусок, глупой, трусливой, расчетливой и т. д. и т. п. Целый день я не слышу ничего иного, кроме как, что я невыносимое существо, и, хотя я смеюсь над этим и делаю вид, что мне плевать, все же мне это вовсе не безразлично. Я бы хотела попросить Господа Бога сделать меня другой по натуре, чтобы не восстанавливать против себя всех людей.

Это невозможно, такой я родилась, и не может быть, чтобы я была плохой, я это чувствую. Я стараюсь всем угодить гораздо больше, чем это может прийти им в голову. Я пытаюсь смеяться там у них наверху, потому что не хочу показывать им свои переживания.

Не раз я швыряла маме в лицо после множества несправедливых упреков: «Мне все равно плевать на то, что ты говоришь. Лучше оставь меня, я же безнадежный случай». Конечно, тогда мне говорили, что я вела себя дерзко, и дня два меня немного игнорировали, а потом вдруг все снова забывалось, и со мной обращались, как и со всеми остальными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/anna-frank/ubezhische-dnevnik-v-pismah-16078471/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Радиостанция нидерландского правительства в эмиграции, вещавшая из Лондона. (Здесь и далее примечания переводчиков.)

2

Кличка собаки в одноименном фильме.

3

В голландских школах десятибалльная система.

4

Голландский художник XVII века, изображал на картинах домашний беспорядок.

5

Но, Марго, видно, что ты не привыкла ни к какой работе, иначе ты бы знала, что пылесос не выдергивают за шнур (нем.).

6

Наоборот (лат.). Здесь в смысле: «На воре шапка горит».

7

Здесь подразумеваются двоюродные братья – Бернард и Стефан.

8

«Прекрасная Нивернезка» (фр.) – повесть А. Доде.

9

После прихода Дюссела Марго должна была спать в комнате родителей.

10

...Но, разве вы не в Бельгии? Значит, офицер не приехал? А машина? Бегство сорвалось?.. (ломаный нем.)

11

Еврейский праздник.

12

5 декабря, в этот день обмениваются подарками и стихами.

13

Негр, помощник святого Николая.

Купить: <https://tellnovel.com/anna-frank/ubezhische-dnevnik-v-pismah-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)